

СТИХОТВОРЕНІЯ

Д. СУШКОВА.

La poèsie, c'est le livre du coeur!

—

ИЗДАНІЕ

Кораблева и Сирякова.

—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ 5 Ноября 1857 года. Цензоръ *И. Лажечниковъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

* * *

ПРИ ПОСЫЛКѢ МОИХЪ СТИХОВЪ.

Тебѣ! тебѣ! — колѣнопреклоненный,
На твой алтарь кладу стихи мои;
Вездѣ, всегда тобою вдохновенный,
Я пѣлъ тебя: и пѣсни всѣ твои!
Прими-же ихъ! онѣ тебѣ не чужды;
Ты въ нихъ прочтёшь сердечный, тяжкій стонъ;
Въ хвалахъ толпы тому нѣтъ нужды,
Кто можетъ быть тобою оцѣнёнъ!

Прими-же ихъ! ты въ нихъ увидишь ясно,
И первый дѣвственный разгаръ,
И первый пылъ любви напрасной
И страсти роковой губительный пожаръ;
Ты въ нихъ прочтёшь сердечныя печали,
Преданья тёмной старины,
Былова тягостные сны —
Любви и ревности скрижали

Ты въ нихъ найдёшь проклятья и угрозы,
Воспоминанья прошлыхъ лѣтъ
И муки, и тоску, и радостныя слёзы:
Всё, чѣмъ страдалъ, чѣмъ тѣшился поэтъ.
И если ты, хотя случайно,
Надъ пламеннымъ стихомъ, вздохнёшь порой ночной,
Повѣрь: услышу я вздохъ тайной
И помирюсь тогда я съ мачихой—судьбой.

ВДОХНОВЕНІЕ.

Бываютъ дни: къ гармоніи небесной
Настроена невольно вся душа,
И намъ въ подсолнечной и тяжело и тѣсно,
И намъ земля тогда не хороша.

Душа кипитъ священнымъ вдохновеньемъ,
Она горитъ отъ пламени страстей,
И неразгаданнымъ, невольнымъ увлеченьемъ
Чуждается и свѣта и людей.

И сплится съ землёю распрощаться,
Сквозь вѣчность въ край небесный заглянуть,
И высокò полётомъ крылъ подняться
И въ родинѣ небесной отдохнутъ.

И зрятся ей незримыя видѣнья,
И, полная восторговъ неземныхъ
Она, въ тотъ часъ, святыя вдохновенья,
Въ страдальческій преобразуетъ стихъ.

ЗАМОГИЛЬНЫЙ ГОЛОСЪ.

(Памяти Булгакова).

Я помню, какъ тяжкимъ недугомъ страдая,
Не ждавъ исцѣленья, со смертью въ груди,
Мой бѣдный товарищъ, любовь проклиная,
Не разъ говорилъ ты: «страшися любви!»

«Любви-ли безплотной, любви-ли священной,
На ветхой, на грязной землѣ обитать,
И даръ свой сердечный, душѣ драгоцѣнной,
Предъ дѣвой земною съ мольбой расточать?

Любовь — это перло не здѣшняго міра,
Небесная манна, съ мастикой сосудъ,
Вся святость избраннаго нами кумира,
Вся дѣвственность мысли, хвала, а не судъ!

«Любовь — это дума, мечта, упоенье,
Блаженный, блестящій, роскошный обманъ,
Восторгъ неизмѣнный, порывъ, сновидѣнье,
Плѣнительный призракъ, бѣглецъ лучшихъ странъ,

«Любовь — это ангелъ съ златыми крылами,
Взлелѣянный въ сердцѣ, вскормлённый втиши,
Но вмигъ обольститъ онъ коварства мечтами,
Кольцомъ обовьётся, какъ змѣй, вкругъ души.....

«Не вѣрь-же любви ты! — Свои вдохновенья
На жертвенникъ лживый ты въ даръ не клади;
Твой идолъ блестящій — земли порожденье:
Предъ нимъ не кручинься, ему не кади!

«Сперва увлечёшься коварной мечтою,
И сердце и разумъ за-разъ очертя,
Ты въ омутъ бездонный, отважной душою,
Съ какимъ-то восторгомъ повергнешь себя.

«А тамъ ты узнаешь терзанія ада,
Безсонницу, ревность, безсильную злость....
Не видно приманки, исчезла награда,
Лишь муки остались, чтобъ на сердцѣ взрость.

«Страшися, страшися любви вдохновенной,
Избытка чувствъ пылкихъ, товарищъ страшись!
Холоднымъ, суровымъ ты будь неизмѣнно —
Предъ «созданнымъ богомъ» съ тоской не молись.

«Ребёнокъ!... ты ищешь отвѣта на чувство;
Себѣ отголосокъ ты мыслишь найдти;

Но въ мірѣ разврата одно есть искусство,
А чувства прямаго нельзя обрѣсти.

«Смотри, ка́къ изсохъ я, ка́къ тяжко страдаю,
Ка́къ, юному, близокъ мнѣ жизни предѣлъ;
Въ проклятьяхъ и мукахъ теперь изнываю —
Мечтатель! учися!.... Вотъ страсти удѣлъ!»

И тихо угасъ ты, заснулъ сномъ глубокимъ,
Потухъ, какъ лампада въ полночной тиши —
Страдалецъ! разстался ты съ чувствомъ высокимъ,
Съ послѣднимъ порывомъ прекрасной души!

Едва лишь почилъ ты, едва отозвался
Твой голосъ печальный, послѣдній завѣтъ,
Какъ въ сумрачномъ сердцѣ наказъ не остался....
Любови безумной гремѣлъ ужь привѣтъ!

И съ бодростью новой, всей силой желанья,
Душа устремилась въ невѣдомый путь;
Уста лепетали невольно признанья,
И стало мнѣ сладко и тяжко вздохнуть!

Но радость съ душою, увы, не сдружилась,
А жизненной нити ужь сгнило звено,
И черною кровью вмигъ сердце облилось,
И въ выси надзвѣздной гремитъ : «свершено!»

Сбылися, усопшій, твои предреканья ;
Настигнутъ я рокомъ, упалъ я душой,
И въ жизни мнѣ этой знать только страданья,
Не знать, что̀ блаженство, не знать, что̀ покой.

Пускай я настигнутъ удѣломъ печальнымъ,
Пусть жребій назначилъ мнѣ тяжкій конецъ,
И поступью тихой, съ челомъ погребальнымъ,
Смерть, близясь, подноситъ свой хладный вѣнецъ.

Пусть велѣно свыше мнѣ вѣчно крушиться,
Но буду однимъ-же и тѣмъ-же все я,
По-прежнему стану страдать и молиться,
Какъ жрецъ, я пребуду у ногъ алтаря.

Умчалися годы !.... Надъ мною несётся
Твой голосъ печальный, послѣдній завѣтъ,
И мнится, порою еще раздаётся :
«Страшися любви ты, страшися, поэтъ !»

СТАНСЫ.

Люблю я небо голубое,
Когда безоблачно оно
И солнце пышное, златое,
Какъ-бы ныряетъ въ немъ одно.

Люблю его ночной порою ,
Когда, безмолвствуя, всё спитъ
И лишь, надъ спящею рѣкою,
Луна лампадою горитъ.

И въ небѣ чистомъ, въ небѣ ясномъ,
Невольно мнится, вижу я,
Тѣ дни, когда весь мiръ прекраснымъ
Въ мечтахъ казался для меня.

Люблю я ложе водъ пространныхъ,
Шумящiй, бурный океанъ,
Гроза гостей своихъ незванныхъ
Златолюбивыхъ англичанъ.

Люблю его, когда мгновенно,
Онъ въ берегахъ своихъ стоитъ,
И вмѣсто бѣлой, бурной пѣны,
Лишь вóлны свѣтлыя струитъ.

И мнится мнѣ, что это море
Эмблема жизни той порой,
Когда забывъ любовь и горе,
Мы вѣкъ доканчиваемъ свой.

Но я восторженъ, какъ задуетъ
Вдругъ разъярённый ураганъ
И вóлны мутныя взбушуетъ
Сердитый, грозный океанъ.

Но мнѣ милѣй гроза природы,
Но мнѣ милѣй гроза морей
И зрю я въ буряхъ непогоды
Изображеніе страстей.

И мнится: въ бурномъ завываньѣ,
Въ раскатахъ грозно-громовыхъ,
И въ ярко-огненномъ блистаньѣ
Читаю повѣсть дней моихъ.

СКАЛА.

Кормчій ! кормчій ! чтò предъ нами ?
— Всё вода, да небеса,
Лишь вдали передъ глазами
Тамъ мелькаютъ парусà.

И рѣя отважно надъ грозной пучиной,
Пловучая крѣпость летитъ по волнамъ;
А сердце тѣснится невольной кручиной :
Взгрустнулось по дальнимъ, роднымъ берегамъ.
Спокойно и тихо безбрежное море,
И вскормленникъ бури быстрѣй всё плывётъ,
Гуляетъ, могучій, на вольномъ просторѣ,
Надъ моремъ смѣётся и бурю зовётъ.

Кормчій! кормчій! взглянь-ко зорко:
Не видать-ли чтò вдали ?
— Лишь безбрежность видитъ око....
Чтò-же дальше ? — корабли.

И грудью широкой, валы разбѣгаясь,
Бѣгутъ другъ-за-другомъ, бѣгутъ и бѣгутъ,
Въ алмазные брызги порой разсыпаясь,
Порою изъ бездны столпъ влажный влекутъ.
Безгранное небо спокойно, прекрасно,
Раскинувъ надъ моремъ шатёръ голубой,
Блеститъ, какъ надежда надъ бездной опасной,
Въ безмѣрности споритъ съ пучиной морской.

Кормчій! кормчій! ну, живѣе!
Не видать-ли что̀? всмотрись.
— Видны флаги, тамъ, лѣвѣе;
Разомъ будемъ, не страшись.

И снова, играя съ коварной пучиной,
Корабль всё стремится по быстрымъ волнамъ;
Зачѣмъ-же ты, сердце, стѣснилось кручиной?
Зачѣмъ умъ далъ волю печальнымъ мечтамъ?
Домчались.... И что̀-же? Скала предъ глазами;
Въ бездонную пропасть внѣдрилась она,
И ратуетъ смѣло съ грозой и волнами
И будто презрѣньемъ къ величью полна.

Привѣтъ тебѣ, скала изгнанья,
Краснорѣчивая скала,
Гдѣ каждый лоскутъ — міръ мечтанья,
Гдѣ громкой славы обаянья
Земля на вѣки погребла

Гляжу, съ нѣмымъ благоговѣньемъ
На грани мрачныя твои,
И непритворнымъ вдохновеньемъ
Мечты проникнуты мои.

Въ мечтѣ игривой, своенравной
Встаетъ былое предо мной,
И вотъ предсталъ Гигантъ державный,
Блеснулъ кровавою зарёй....

Но нѣтъ могучаго былова
Умчалъ Гиганта ураганъ,
И не взойдётъ заря та снова,
И не воскреснетъ великанъ !

Сбылись Европы ожиданья ·
Осиротѣлъ безмолвный міръ;
Среди безславнаго страданья
Погибъ увѣнчанный кумиръ.

Разбитъ на вѣки жезлъ побѣдный,
Лежитъ въ пыли мечь боевой
И ужь истлѣлъ въ землѣ сырой
Преемникъ власти, сынъ твой бѣдный!

Кчему-жъ былое вызывать?
Давнопрошедшею кручиной

Зачѣмъ судить полётъ орлиный?
Зачѣмъ могилу вопрошать?

Ты жажду славы и стяжанья
Безславной смертью искупилъ,
Мы помнимъ генія страданья
И со слезами покаянья
Мы предъ славнѣйшей изъ могилъ

Твои намъ памятны оковы,
Твое величье — и скала;
И Альбіона сынъ суровый
Въ отплату пѣлъ твои дѣла̀....

Объ ней звучалъ нашъ геній юный,
Младой, возвышенный поэтъ,
Какъ раздались впервые струны,
Какъ жадно вслушивался свѣтъ!....

Её поютъ пѣвцы другіе,
И день-отъ-дня, изъ-вѣка въ-вѣкъ
Твои поминки роковыя
Свершитъ тоскливо человѣкъ.

Не саркофагъ гробницей славной
Твою могилу бременитъ
И твой Орёлъ, ещё державный,
Надъ нею стражемъ не паритъ:

Тебя гранитъ лишь покрываетъ,
Но ты утѣшься о, герой!
Твой гробъ безъ надписей блистаетъ:
На нёмъ лучь славы вѣковой......

Кормчій! кормчій! эй, проворно
Распусти ты парусá!
Сердце ноетъ такъ упорно.....
Гдѣ-жь кипучихъ волнъ краса?
Гдѣ–жь родныя небеса?

—

ПОЭТЪ.

Не пышный пиръ, не праздникъ шумный
Къ себѣ поэта приманитъ;
Не вихорь свѣта, вихрь безумный
Поэта взоры покоритъ.
Смѣётся онъ надъ суетою,
Ему противенъ всякій шумъ
И между пёстрою толпою
Онъ вѣкъ задумчивъ и угрюмъ;
Глазà не радостью блистаютъ,
Не говорливъ, не веселъ онъ;
Но далекò мечты гуляютъ......
Но въ бездну думъ онъ погружёнъ.....
Воспоминаній рой унылый
Повисъ надъ скорбною душой,
И сны чарующею силой
Влекутъ, несутъ его съ собой,
Туда — куда не досягаетъ
Своею мыслью праха сынъ,
Гдѣ Геній творчества витаетъ,

Куда путь сокровенный знаетъ
Изъ земнородныхъ онъ одинъ!...
Туда! въ страну очарованій,
Гдѣ всё гармонія, гдѣ свѣтъ,
Гдѣ оргій нѣтъ, гдѣ нѣтъ желаній,
Гдѣ только вѣчность — и поэтъ!
Тамъ, тамъ въ отчизнѣ неизвѣстной,
О коей здѣсь остался слухъ,
Какъ эхо музыки небесной,
Какъ отъ аромовъ только духъ, —
Тамъ, тамъ святое вдохновенье
Нисходитъ на тебя, поэтъ,
Чтобъ людямъ пѣлъ ты въ поученье,
Чтобъ имъ вѣщалъ, какъ бренен свѣтъ!

НОВГОРОДЪ.

Согбенный лѣтами; но гордый понынѣ,
Лазурью небесной повсюду покрытъ,
Стоитъ предо-мною въ широкой равнинѣ,
Какъ будто отпавшій огромный гранитъ, —
Градъ нѣкогда мощный, богатый, державный,
Теперь-же безсильный, теперь-же безславный!

Повѣдай мнѣ, старецъ, твои всѣ преданья,
Разсказы дней прошлыхъ, дней славы твоей,
И, смѣлыя вызвавъ на часъ вспоминанья,
Явись на мгновенье душѣ ты моей
Въ величіи древнемъ временъ незабвенныхъ,
Когда укрощалъ ты Литовцевъ надменныхъ.

Повѣдай мнѣ, старецъ, какою судьбою
Одинъ устоялъ ты противу Татаръ,
Одинъ не поникнулъ предъ ханомъ главою,
И злато за жизнь не послалъ ему въ даръ;
Ка́къ вражьему мщенью, ты буйный, смѣялся,
Ка́къ гордый и мощный, ты Русскимъ остался.

Повѣдай мнѣ, старецъ, когда раздавался
Мятежнаго вѣча звонъ громкій, густой,
И шумно на площадь народъ твой стекался,
Волнуясь, какъ море предъ сильной грозой:
Ужели всегда ты, во мнѣньяхъ согласный,
Не вѣдалъ ни распри, ни смуты опасной?

Повѣдай мнѣ, старецъ, какимъ ослѣпленьемъ
Противъ Іоанна ты мнилъ устоять,
Какъ грозному смѣлъ ты крамольнымъ презрѣньемъ
На вызовъ всесильный войной отвѣчать,
Ка́къ палъ ты, ка́къ рухнулъ ты съ гуломъ и трескомъ,
Простившись на вѣки съ величьемъ и блескомъ.

Но тщетны вопросы! Орломъ осѣненный,
Забывши и славу, забывши и плѣнъ,
Стоишь ты всё также, всё также надменный,
И нѣтъ мнѣ отвѣта отъ каменныхъ стѣнъ!
И Волховъ твой бурный, сребримый луною,
Тебя подмываетъ, какъ прежде, волною!

———

ЭЛЕГІЯ.

Не вѣрю больше я надеждѣ,
Но въ сердцѣ таже всё любовь,
И то, что̀ волновало прежде,
Меня взволнуетъ нынѣ вновь!

Прошли, какъ дымъ, мечты и счастье,
На мнѣ легла судьбы рука —
Души исчезло сладострастье,
Осталась мнѣ одна тоска!

Кчему-жь пустое сожалѣнье?
Что́ ужь прошло, то не придётъ....
Но се́рдца муки и волненье
Едва-ли время унесётъ!

ДВА ЧУВСТВА

Два чувства есть: между собою слиты,
Они путёмъ всегда однимъ идутъ;
Они равно развязки тихо ждутъ,
Они равно для чуждыхъ думъ закрыты.

Одно изъ нихъ — небесъ блаженный даръ,
Дитя мечты, виновникъ вдохновенья: —
То дѣвственный, невнятный сѣрдца жаръ,
То вскормленникъ быть-можетъ заблужденья.
Судьбою грозною въ душѣ заронено,
Оно намъ радостью, восторгомъ, утѣшеньемъ,
И нити жизненной крѣпчайшее звено
Оно связуетъ насъ съ житейскимъ треволненьемъ.
И чувство то *любовью* мы зовёмъ;
Съ ней въ небеса отъ праха улетаемъ,
Высокое душою понимаемъ
И жизнью двойственной живёмъ.

Другое чувство есть — пронзительнѣй печали,
Губительнѣй тоски, и бури, и огня:
То оскорблённое, поруганное *я*,

То мнимое пятно на жизненной скрижали.
Мечты привычныя оно собой гнетётъ,
Страшится призраковъ, видѣній небывалыхъ,
И муки вымысливъ, ихъ манитъ и зоветъ,
Какъ-бы ночлегъ прохожихъ запоздалыхъ.
Клокочетъ на̀ сердцѣ растопленный металъ,
Уста поблёкшія проклятья извергаютъ
И съ отвращеньемъ отвергаютъ
Любовной сладости и горечи фіалъ.

И *ревность* чувство то! Она въ груди бушуетъ,
Какъ лава и огонь она въ душѣ кипитъ,
Какъ лава и огонь она её мертвитъ,
И бѣдная душа крушится и тоскуетъ:
Упрёкъ напрасный затая,
Не смѣетъ высказать своей смиренной пѣни,
Предъ гордымъ божествомъ повергшись на колѣни,
Себя, а не его виня.

Но если праведно она заклокотала,
Но если не вотще ревнивая тоска,
И съ вѣроломства покрывало
Сняла дрожащая рука, —
Тогда прости, любовь! съ глазъ сброшена повязка;
Слѣпецъ прозрѣлъ, отвергши страхъ и лесть,
Въ-замѣнъ любви въ душѣ лелѣетъ месть
И всточенный кинжалъ той повѣсти развязка.

ОТРИНУТЫЙ ПОЭТЪ.

Когда любви непризнанной мученья
Поэтъ отринутый почувствуетъ въ крови —
Онъ проклянётъ минувшія волненья,
Восторги бурные любви!
Уразумѣетъ онъ тщету всего земнаго,
И лишь тогда душой постигнетъ онъ,
Что въ свѣтѣ нѣтъ *прекраснаго, святаго,*
Что всё *возвышенное* — сонъ!
И горестна ему утрата всѣхъ желаній,
Надеждъ несбывшихся обманъ,
И поневолѣ жаль покинутыхъ мечтаній,
Первоначальныхъ сердца ранъ.

Но скорбь высокую онъ нá сердцѣ схоронитъ,
Не вынесетъ её онъ міру на-показъ;
Отчаяньемъ своимъ себя онъ не уронитъ,
Предательской слезы не выронитъ изъ глазъ.
Напротивъ! Призовётъ онъ на уста улыбку,
И радостный придётъ на выставку людей,

И на струнѣ, всегда ему послушной, гибкой,
Онъ забрянчитъ про радость прошлыхъ дней.
И пѣснь его, разгульная, хмѣльная,
Морочитъ прелестью ареопагъ невѣждъ,
И, звукамъ радостнымъ внимая,
Они не зрятъ утраченныхъ надеждъ,
Они не зрятъ, ка́къ въ мукахъ изнывая,
Онъ молитъ смерть коснуться жаркихъ вѣждъ!

Онъ славитъ имъ и женщинъ и веселье,
А самъ прискорбною, далёкою мечтой
Безпечной радости безумное похмѣлье
Онъ вспоминаетъ той порой.
И тяжки для него души воспоминанья!
«Былова» свитокъ испещрёнъ,
Но въ нёмъ онъ не найдётъ отраднаго мечтанья;—
Онъ былъ посмѣшищемъ!.... Онъ на́вѣкъ посрамлёнъ!....

Онъ жертвовалъ любви часами вдохновенья,
Насильственно отторгнутыхъ отъ сна,
И чистой радости была душа полна,
Какъ въ грёзахъ онъ писалъ небесное видѣнье,
И было то видѣніе — *она!*

Она — вездѣ *она!* Его стихи звучали,
Чтобъ мелькомъ обратитъ вниманье красоты;
Онъ чрезъ *неё* узналъ сердечныя печали,
Онъ *ей* дарилъ завѣтныя мечты,

Онъ пѣлъ *её!*... Для *ней* онъ жаждалъ славы!
Онъ былъ рабомъ всепреданнымъ любви,
И ревность онъ узналъ — губящею отравой
Она текла, какъ ядъ, въ его крови.

И всё прошло — сонъ чудный миновался!
Зачѣмъ-же вспоминать минувшаго обманъ?
Кто съ радостью однажды распрощался,
Тотъ дописалъ свой жизненный романъ, —
Но доконца онъ вытерпитъ всѣ муки,
И предъ бездушною, насмѣшливой толпой
Онъ рѣзвые ещё исторгнетъ звуки —
Не измѣнитъ себѣ ни словомъ, ни слезой!

Онъ тотъ-же для толпы! Онъ пытку чувствъ скрываетъ
На днѣ испытанной, стоической души,
И если слёзы онъ порою проливаетъ,
То проливаетъ ихъ украдкою, втиши.
Онъ тотъ-же для толпы! Весёлый, не надменный,
Какъ прежде, какъ всегда, безпечно онъ поётъ,
Но въ тишинѣ ночей, колѣнопреклоненный,
Онъ молится, да̀ смерть скорѣе низойдётъ,
Да̀ укротитъ она тяжёлыя волненья,
Да̀ усмиритъ она безумную любовь,
И на крылахъ послушныхъ вдохновенья
Мечтой летитъ къ минувшему онъ вновь...

---

29 ЯНВАРЯ 1837.

Видали-ль вы какъ окружёнъ горами,
Воспрянувъ царственной главой,
Стоитъ Эльборусъ вѣковой,
Одѣтъ ледяною корой,
Покрытый вѣчными снѣгами?
Онъ на обломки дикихъ скалъ,
Надменный, съ гордостью взираетъ
И, какъ алмазъ, блеститъ, сверкаетъ
Его столь радужный кристалъ;
Онъ Феба освѣщёнъ лучами,
Его онъ пурпуромъ облитъ;
Чело увѣнчано громами,
Оледенѣлъ его гранитъ,
Великъ, могучъ!—Гигантъ державный
Стоитъ туманнымъ божествомъ;—
Гроза иль тишь—онъ тотъ-же славный,
Онъ превышаетъ всѣхъ челомъ!
Такъ и поэтъ!—передъ толпою
Онъ горделивъ и одинокъ,

Въ мечтахъ поникнувъ головою,
Какъ увядающій цвѣтокъ.
Вокругъ него народъ толпится,
Ему безсмысленно дивится;
То рукоплещетъ, то молчитъ,
То вдругъ, неистовый, свиститъ;
А онъ поётъ,—поётъ прекрасно,
И пѣсни звучныя его
Текутъ и стройно и согласно,
Полны сочувствій для него.
Любовь, отчизна, вѣрность, слава,
Всё отголосокъ въ нёмъ найдётъ,
И на устахъ дрожитъ октава
И, вдохновенный, онъ поётъ.

«О чёмъ брянчитъ, чему насъ учитъ?
Твердитъ толпа въ душѣ своей,
«Зачѣмъ сердца́ волнуетъ, мучитъ,
«Какъ своенравный чародѣй?—
А онъ поётъ—и пѣсни льются,
Журчатъ, бѣгутъ, какъ-бы потокъ,
И вдохновенія несутся,
Какъ лёгкій по морю челнокъ;
А онъ поётъ—и свѣтъ внимаетъ
Его напѣвамъ и страстямъ,
За нимъ въ міръ горній улетаетъ,
Какъ конь на волѣ, по степямъ;—

А онъ поётъ;—но вдругъ, прерванный,
На-вѣки смолкнулъ дивный гласъ;
Пѣвецъ лежитъ ужъ бездыханный;
Пѣвца другова нѣтъ у насъ!

Скажи-же ты, пѣвецъ погибшій,
Скажи, возвышенный пѣвецъ,
Кому ты передалъ вѣнецъ,
На головѣ твоей почившій?
Кто, кто наслѣдникъ нынѣ твой?
Кому державною рукой
Вручилъ ты скипетръ чудной власти
Воспламенять живыя страсти?
Кому предъ смертью завѣщалъ
Чудесный даръ ты пѣснопѣнья,
И неземныя вдохновенья
И поэтическій фіалъ?
Кто нынѣ избранный тобою?
Кому дивиться долженъ свѣтъ?
Предъ кѣмъ склониться головою?
Но тихо всё!.... Отвѣта нѣтъ!...

ЦИРЦЕѢ.

Такъ, вижу я—я ошибался:
Кокетствомъ вашимъ завлечёнъ,
Я съ незапамятныхъ времёнъ
Мечтамъ безумнымъ предавался;
Я никому не довѣрялъ
Весь пылъ любви неугасимой;
Порою плакалъ и страдалъ,
И стонъ тоски невыносимой
Однимъ стихамъ передавалъ.
Безумецъ! вѣруя надеждѣ,
О дняхъ былыхъ я забывалъ
И слухъ о томъ, «что̀ было прежде,»
Какъ ложный слухъ, я отвергалъ.

Душою слабою и нѣжной,
Покорный роковымъ мечтамъ
И полный страсти безнадежной,
Предъ вами жёгъ я ѳиміамъ.

Я былъ готовъ,—и каюсь въ этомъ,—
У вашихъ ногъ, какъ рабъ, лежать,
Глядѣть вамъ въ очи и вздыхать
Жеманнымъ, приторнымъ поэтомъ.

Но, слава-Богу, я прозрѣлъ—
И спала съ глазъ моихъ повязка,
Но не кинжалъ любви развязка,
Презрѣнье—вотъ ея удѣлъ!
Такъ, излечился я; отнынѣ
Опять свободенъ, воленъ я,
И сéрдца въ горестной пустынѣ
Убита лютая змѣя.

Пускай другой искатель бѣдный
У вашихъ ногъ теперь лежитъ,
И, мучимъ ревностію, блѣдный,
Вздыхаетъ, плачетъ и молчитъ.
Но я.... я съ вами развязался,
Я отступаюся отъ васъ;
И въ страшный разставанья часъ
Вы видите «я живъ» остался......

Но вы!... Побѣдой вы гордились;
Мой стихъ такъ лестно вамъ звучалъ:
Онъ слухъ балованный ласкалъ,
Онъ торжество напоминалъ,

И вы стихомъ моимъ кичились.
Но тщетенъ ранній вашъ восторгъ;
Я не привыкъ прощать обиды:
Я изъ души вамъ гимнъ исторгъ—
Но есть и гимнъ у Немезиды!

Теперь прощайте навсегда!
Рукою дерзкой, позлащенной,
У вашей двери оцѣненной
Не постучусь я никогда:
На ложе хлада и стыда
Не возведу я васъ надменно.

Но знайте: есть всему конецъ,
Пройдётъ и блескъ и слава ваша,
И горечи вамъ дастся чаша,
И потускнѣетъ вашъ вѣнецъ;
И на челѣ, ужъ не прекрасномъ,
Но лишь безстыдно-сладострастномъ,
Разврата ясную печать
Всѣ станутъ съ ужасомъ читать!

МИНУТЫ ВДОХНОВЕНІЯ.

Когда мы женщину душою пылкой любимъ
И сердце полное ей въ жертву пепелимъ,
Въ тоскѣ убійственной младые дни мы губимъ,
Но образъ дѣвственный всё на сердцѣ хранимъ;
Когда намъ женщина блистательнымъ кумиромъ,
Когда стоимъ предъ ней колѣно преклоня,
Разсталися для ней съ спокойствіемъ и съ миромъ,
        Себя въ холодности виня;
Когда мы женщину «чудеснымъ» увѣнчали,
Запрётное «люблю» мы вымолвили ей,
        Улыбкѣ, взгляду взревновали
        И риѳмой звучной сочетали
        Любовь и блескъ ея очей:—
        Тогда въ душѣ пылаетъ вдохновенье,
        Въ груди кипитъ его волканъ,
И сылы творчества понятно намъ значенье,
И пламенный восторгъ намъ справедливо данъ.

Но если, вдругъ соскучась тяжкой долей,
Любовь безумную кляня,
Навѣкъ простимся мы съ неволей,
Себя въ пристрастіи виня;
Когда потомъ, свободу лишь почуя,
Съ подножья свергнемъ свой кумиръ,
Впадёмъ въ развратъ неистово бушуя,
Забывъ восторговъ дивный міръ;
Когда, порочные, мы местью запылаемъ,
Сроднимся съ низкой клеветой,
Свой идолъ грязью закидаемъ,
Надъ нимъ ругаясь той порой: —
Тогда отъ насъ отступятся Камены,
Отвергнутъ грозныя нашъ гнусный ѳиміамъ,
И въ цѣломъ мірѣ, во вселенной,
Нѣтъ вдохновенья болѣ намъ!

ОТРЫВОКЪ. (*)

«Она актриса, говорятъ,
Въ ней всё поддѣльное, чужое,
И этотъ вздохъ и этотъ взглядъ,
Всё не своё, всё не прямое.
Въ ней нѣтъ ума, души въ ней нѣтъ,
Видна въ ней только тѣнь искусства,
Въ ней не найдётъ и искры чувства
Предъ ней повергшійся поэтъ.
Она ужь свыклася лукавить,
Своими чувствами играть
И васъ терзать, и васъ забавить,
И, одурачивъ, покидать.
Она безстрастна, горделива,
Она, какъ мраморъ, холодна,
И безотвѣтна, молчалива,
Лишь обольщать научена.
Ей не понять души стремленья,
Ей чужды пламенный порывъ,

(*) Изъ недоконченной драматической-фантазіи «Лордъ Байронъ и Мистриссъ Сиддонсъ».

И неземныя вдохновенья,
И страсти жаркой бурный взрывъ!
Она безъ чувствъ и для укора,
Она какъ русская зима,
И ужь никто, теперь, позора
Не властенъ сгладить съ ней клейма.

А ты... ты женщинъ врагъ заклятый,
Ихъ пересмѣшникъ, ихъ злодѣй!
Кипучей страстью вдругъ объятый,
Челомъ склонился передъ ней.
Стыдись!... ужели долгъ поэта
Передъ дѣвчонкою сгорать;
Её любить и ревновать,
Себѣ вымаливать привѣта?
Ужель на то родился ты,
Чтобы всѣ помыслы, дѣянья,
Всѣ вдохновенья, всѣ мечты
Ей въ жертву несть безъ содроганья;
На сердцѣ ревность затая,
За нею слѣдовать глазами,
И записаться межь рабами,
Забывъ всю сладость бытія?»

Стыдиться мнѣ! — чего-жъ? скажите,
И чѣмъ артистка хуже васъ?
Чего отъ ней, безумцы, вы хотите?
Чтò нужно ей ещё для вашихъ глазъ?

Въ ней есть душа, — душа святая,
Душа возвышенно-младая;
Но выше міра и страстей;
Въ ней разумъ есть; но разумъ смѣлый,
Въ порывѣ свѣтлыхъ думъ созрѣлый,
И геній мощный видѣнъ въ ней.

Она мила, какъ вешній лучь денницы,
Она свѣтла, какъ блескъ златой зарницы,
Она чиста, какъ Серафимъ святой;
Какъ ѳиміамъ, она благоухаетъ,
Какъ вѣтерокъ, мнѣ душу освѣжаетъ
Могучею, небесной красотой.

Её злословитъ клевета,
Её чернитъ развратникъ смѣлый;
Но нѣтъ, но нѣтъ, она чиста,
Какъ Ангелъ свѣтлый, Ангелъ бѣлый! —
Разврата видите-ль печать
Вы на челѣ ея прекрасномъ?
Нѣтъ! въ взорѣ чистомъ, въ взглядѣ ясномъ
Слѣдовъ порока не сыскать.
Въ нёмъ проблескъ генія сіяетъ,
Въ нёмъ видѣнъ смѣлый, вольный умъ;
Въ нёмъ непорочность освящаетъ
Порывы юныхъ, жаркихъ думъ —
И вы её чернить хотите,

Её позорить, клеветать!
За что̀-жь, безумцы, вы скажите,
За что̀ вамъ ангела пятнать?

За то-ль, что, пышно разцвѣтая,
Она прельстить умѣла васъ;
О томъ не вѣдая, не зная,
Васъ прожигали чары глазъ?—
За то-ль, что гордо передъ вами,
Какъ-бы кумиръ, она стоитъ
И съ высоты своей глядитъ,
Какъ, съ ѳиміамомъ и мольбами,
Предъ ней толпа жужжитъ, шумитъ?
Или за то, что не-нарокомъ
Она небесной чистотой,
Она небесной красотой
Язвитъ невольнымъ васъ упрёкомъ —

Вы низки, подлы передъ ней;
Вы червь ничтожный и презрѣнный,
Вы, какъ убійца потаенный,
Изподтишка лишь мстите ей;
Но я сорву личину вашу,
Я уготовлю кары часъ,
Я опрокину мщенья чашу,
Безумцы гордые, на васъ!...

ПАМЯТИ НЕЗАБВЕННАГО.

Сегодня годъ, какъ онъ почилъ
Среди безмолвныхъ сожалѣній;
Угасъ, угасъ нашъ чудный геній,
Какъ погасаетъ дымъ кадилъ
Средь ароматныхъ испареній!
Его уже нѣтъ!... сокрылся онъ.....
И обдалъ насъ житейскій холодъ:
Такъ тяжкой опытности молотъ
На вѣки рушитъ жизни сонъ.
И гдѣ святыя вдохновенья?
Гдѣ эти звуки и мечты?
Гдѣ, гдѣ бывалыя томленья?
Ихъ нѣтъ! ихъ нѣтъ!..... унёсъ ихъ ты,
И мы, безмолвные, рыдая,
Твои поминки лишь творимъ;
Печально воздухъ оглашая,
Святые звуки мы твердимъ;
Но болѣ нѣтъ намъ наслажденій,
Не оживитъ часъ лиры гласъ:
Угасъ, угасъ нашъ чудный геній,
. . . .

ПОДРАЖАНІЕ.

Увы! несчастливъ тотъ, кто любитъ, — но напрасно;
Несчастнѣе его, въ чьёмъ сердце пустота;
Но всѣхъ несчастнѣе, потухъ въ комъ пламень страстной,
Кого преслѣдуетъ, какъ тѣнь, любви мечта!

На взгляды наглые продажной красоты,
Живя одной мечтой, глядятъ онъ съ отвращеньемъ;
А дѣву чистую, какъ вѣшніе цвѣты,
Онъ можетъ-ли любить нѣмымъ боготвореньемъ?

Нѣтъ! въ сердцѣ у него одни воспоминанья;
Но въ нихъ нѣтъ сладости, они ему въ укоръ;
Надежды нѣтъ ему, извѣдалъ онъ позоръ:
Отъ твари онъ бѣжитъ; — нѣтъ чуднаго созданья!

Въ нёмъ сердце, какъв ъ степи пустынный, ветхій храмъ,
Ггѣ вьётся мрачный плющь, межъ трещинъ, по стѣнамъ,
Гдѣ бури и гроза пристанище имѣютъ,
Гдѣ нѣтъ ужь божества, — гдѣ смертные робѣютъ!

ПРОМЕТЕЙ.

Разгнѣваннымъ Зевсомъ на казнь обреченный,
На темѣ Кавказа повисъ Прометей;
За чувство, за мысли, за подвигъ надмѐнный
Онъ преданъ суровой судьбинѣ своей.
У ногъ его бездны, лазурь надъ главою,
Всё мрачно, пустынно, безмолвно кругóмъ....
Лишь жалобно вѣтеръ простонетъ порою,
Какъ-будто бесѣду ведётъ съ ковылёмъ.

Вотъ вóронъ, — почуя добычу, — голодный
Несётся на жертву — и клёвомъ клюётъ,
И крылья на груди сжимаетъ онъ злобно,
И мощное тѣло когтями дерётъ. —
Уста помертвѣли, глазá закатились,
И глухо клокочетъ страдальческій стонъ,
И лютыя муки въ чертахъ отразились;
Но, стойкій, не молитъ, не сѣтуетъ онъ.

Онъ тотъ-же надменный! гордится мученьемъ,
Себя не унизитъ безплодной мольбой
И шлётъ громовержцу проклятья съ презрѣньемъ
И дерзко смѣётся надъ карою злой.
Онъ тайную радость въ терзаньяхъ находитъ,
Онъ силится раны свои растравить,
И гордо очами окружность обводитъ
И муками мыслитъ онъ свѣтъ удивить!

Удѣлъ Прометея! — ты участь поэта:
Какъ ты, онъ страдаетъ, — но страждетъ душой,
Какъ ты одинокѣ онъ, хоть въ вихрѣ онъ свѣта,
И въ спорѣ онъ вѣчномъ съ жестокой судьбой.
Привычныя муки онъ самъ вымышляетъ;
Но сердце — не во́ронъ — сомнѣнье грызётъ,
Съ усмѣшкою злобной онъ свѣтъ проклинаетъ;
А послѣ мученья свои онъ поётъ.

Онъ ими гордится, душой къ нимъ привязанъ,
Но ихъ онъ не ставитъ толпѣ на-показъ,
И съ ними онъ цѣпью таинственной связанъ,
И ихъ проклинаетъ, лелѣетъ за-разъ.
Умъ скорбный волнуютъ, терзаютъ сомнѣнья,
Поэтъ изнываетъ подъ тяжестью мукъ,
Но въ сердцѣ пылаетъ огонь вдохновенья, —
И вотъ излетаетъ чарующій звукъ.

И звуки родятся, ростутъ и сливаютъ
Въ гармонію бури проклятья пѣвца,
Въ прекрасную форму её облекаютъ
И адской мелодіи нѣтъ и конца;
Но въ музыкѣ этой всѣхъ скорбей забвенье
И ею утѣшенъ страдалецъ-пѣвецъ:
То выкупъ мученій, залогъ наслажденья,
Толпы прихотливой — блестящій вѣнецъ!

ИТАЛІЯ.

I.

Италія! руина вѣковая,
Священная Торкватова земля,
Поэзіи отчизна дорогая,
Передъ тобою клоню колѣно я!

II.

Страна могилъ, любимица природы,
Гдѣ Данте, — мученикъ свободы, —
Свой «Адъ» въ терзаніяхъ воспѣлъ,
Я о тебѣ мечталъ въ младые годы,
И въ шумѣ бурной непогоды
Къ тебѣ фантазіей летѣлъ.

III.

Какъ часто ты, хранилище преданій,
Въ полуночной печальной тишинѣ,
Сквозь призму «чуднаго», въ кругу живыхъ мечтаній,
Виднѣлась мнѣ въ роскошно-жаркомъ снѣ.

IV.

И мнилось: брань грозила роковая,
Звучали смертью знамена́;
Ярёмъ на миръ свободный налагая,
Какъ ярый громъ по небу протекая,
Стремилась лютая война.

V.

И миръ дрожалъ! И, унывая,
Смотрѣлъ съ боязнью на тебя;
Но встала новая заря, —
И у подножій алтаря
Зажглася вѣра трисвятая.

VI.

И знамя въ прахъ; — хоругвь другая,
Весь міръ собою осѣняя,
На небѣ чисто-голубомъ
Блеститъ спасительнымъ крестомъ!

VII.

Привѣтъ тебѣ! о городъ семи-холмный,
Развѣнчанный, державный властелинъ!
Воспоминаньями прошедшей славы полный,
Стоишь теперь ты, горестный, одинъ! —
Но, гордый славой и понынѣ,
Своей покорствуя судьбинѣ,
Ты будто ждёшь, чтобы опять
Законъ народамъ предписать.

VIII.

И вижу я: густой толпою
Народъ волнуется, кипитъ;
На Форумъ онъ стремглавъ бѣжитъ, —
Зачѣмъ? — Съ каѳедры предо-мною
Ихъ Цицеронъ теперь гремитъ!

IX.

Гремитъ онъ противъ честолюбца,
Караетъ распри и раздоръ;
Онъ Римъ спасаетъ отъ безумца,
Онъ Катилинѣ шлётъ укоръ.
И тотъ дрожитъ, и тотъ блѣднѣетъ;
Противостать ему не смѣетъ —
И, силой сло́ва поражёнъ,
Онъ, весь разстроенъ и смущёнъ,
Передъ ораторомъ робѣетъ.

XI.

И въ страхѣ онъ спѣшитъ домой,
Побѣгъ залогъ его спасенья;
Но разъярённою толпой
Онъ окружёнъ — и предо-мной
Падётъ онъ жертвой примиренья!

XII.

Другіе дни! предъ клобукомъ
Смирясь строптивою душою,
Во имя Бога, той порою,
На свѣтъ ты снова мещешь громъ,

И съ новой властію знакомъ,
Ты, полонъ думою людскою,
То анаоемой, то крестомъ
Имъ правишь мощною рукою.

XIII.

Но Лютеръ всталъ!—Зовётъ онъ свѣтъ
Судьёю быть ихъ состязанья,
И передъ мужемъ дарованья
Во прахъ гордыня многихъ лѣтъ —
Тіары блескъ, ея сіянье
Толпы крамольный поруганье!

XIV.

Вѣкъ полонъ думою о власти,
Чтобъ міромъ снова управлять,
Чтобы законъ ему давать,
Ты взбунтовалъ его всѣ страсти,
Искусства факелъ засвѣтилъ,
Имъ дряхлый миръ ты озарилъ,
Его наполнилъ новой славой,
Вѣнчалъ Торквата, звалъ пѣвцовъ,
Чтобъ гармонической октавой
Почтить гробницы всѣхъ вѣковъ.

XV.

И полотно и мраморъ стали
Тебѣ орудьемъ вмѣсто стали;
И ветхій снова данникъ твой
И ты опять его главой!

XVI.

Суждённый властвовать надъ міромъ,
Мечёмъ, искуствомъ иль крестомъ,
Ты вѣчно былъ его кумиромъ,
И вѣчно былъ его врагомъ.
Тебѣ сдружившимся со славой,
Въ дни славы, плача и стыда,
Дались надежды величавы,
Мелькнула новая звѣзда!

XVII.

Порабощёнъ грозой военной,
Тебя покинулъ Пій-шестой,
Когда орёлъ иноплеменный
На Ватиканъ его надменный
Ступилъ могучею пятой.

XVIII.

Омрачены святые лики,
Погасъ душистый ѳиміамъ,
И лишь воинственные клики
Собою будетъ Божій храмъ.

XIX.

Римъ пріунылъ; — въ тоскѣ, въ моленьѣ,
Онъ мнитъ обрѣсть себѣ спасенье;
Онъ призываетъ всѣхъ Мадонъ,
Кладётъ поклонъ онъ на поклонъ,
И ждётъ ужель насталъ конецъ,
Ужель померкъ его вѣнецъ?

XX.

Герой вѣковъ, сынъ грозный рока,
Избранный бичъ — Наполеонъ,
Гроза царей, къ толпѣ жестокой,
Въ надеждѣ можетъ-быть далёкой
Возобновилъ твой шаткій тронъ

XXI.

Дитя порфирою даруя,
На славу звалъ онъ твой народъ;
Но поздно! — Русскій, негодуя,
Двѣнадцатый готовилъ годъ, —
И въ прахъ гигантова статуя,
И властолюбца хищный родъ!

XXII.

И снова ты, трикратъ священный,
Владыкѣ въ рясѣ возвращёнъ;
Умолкъ на долго шумъ военный,
Воздвигнутъ снова крестъ нетлѣнный,
Римъ горделивый оживлёнъ.

XXIII.

Но долго-ль будетъ онъ свободнымъ?
Но долго-ль будетъ ликовать?
. . . .
. . . .
. . . .

XXIV.

Кто знаетъ то? Ужель возможно
Судьбу народовъ разгадать;
Когда на свѣтѣ всё такъ ложно,
Законъ святой и непреложный
Умомъ кичливымъ прочитать?

XXV.

Но мнится мнѣ, что часъ паденья,
Ужь скоро, скоро прозвучитъ,
И геній смерти, разрушенья
Надъ нимъ таинственно паритъ.

XXVI.

И онъ придётъ тотъ часъ печальный,
Раздастся голосъ погребальный,
Возстанутъ Папы и Цари,
Миѳологической зари
Не баснословные всё лица,
И Брутъ-герой, и Брутъ-убійца,
Помпей, Ріензи, Сципіонъ,
Витіеватый Цицеронъ,
И Кесарь весь окровавленный,
И Гильдебрантъ всегда надменный,
И этотъ Сикстъ—гроза царей,
Народовъ, вѣка и людей!

XXVII.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

XXVIII.

Но всё-ль еще?—Ужель судьбою
Ты Лотарингамъ обречёнъ,
И только цесарской враждою
Въ своёмъ грядущемъ угрожёнъ?

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

XXIX.

Страшися, Римъ! страшись могучій!
Враждой отвсюду окружёнъ,
Тебѣ грозитъ рокъ неминучій,
Грозитъ съ настойчивостью онъ;
Но благъ Господь—и, можетъ-статься.
Тебя минуетъ ураганъ,
И долго будешь красоваться,
Священный градъ волшебныхъ странъ.

XXX.

Привѣтъ тебѣ, морей царица,

Адріатическихъ зыбей
И днесь всё таже чаровница,
Хоть власть утратила морей.

XXXI.

Привѣтъ тебѣ!... мечтою дальной
Давно къ тебѣ стромлюся я;
Давно по влажности зеркальной
Въ мечтахъ плывётъ моя ладья.

XXXII.

Въ душѣ моей еще всё живы
Дѣянья Дожей всѣхъ твоихъ,
Совѣтъ кровавый и строптивый,
Ко власти тягостной ревнивый, —
И ночью приговоры ихъ.

XXXIII

Всё, всё живётъ! — Въ мечтѣ игривой
Каналъ Орфано предо мной,
И, озарённый чуть луной,
Давно уснулъ градъ нечестивой.

XXXIV.

И тихо всё!.... ладья одна
Каналъ во мракѣ разсѣкаетъ;
Куда-жъ спѣшитъ? зачѣмъ она
Въ дали печальной исчезаетъ?

XXXV

Не гондольеръ то молодой, —
Не слышенъ мнѣ напѣвъ родной,

И не синьора молодая,
Подъ маской лёгкою скрывая
Свое лицо, одна спѣшитъ
Досугъ съ синьоромъ раздѣлить.

XXXVI.

Ладья плывётъ, луна мерцаетъ;
Невольный страхъ меня проникъ; —
Но чу!.... я слышу слабый крикъ....
То не волна о брегъ плескаетъ!

XXXVII.

И вотъ опять! откуда онъ,
Сей прерывающійся стонъ?
Ужель надъ влагою морской
Обрядъ свершился роковой?

XXXVIII.

Но смолкло всё! — О томъ лишь знаетъ
Палачъ, и сбиры и луна,
И тайну ту отъ насъ скрываетъ
Среброкипучая волна.

XXXIX.

Будь намъ заступницей Мадона,
Отъ сбировъ будь намъ оборона!

XL.

Всё, всё живётъ! Палачъ и казни,
Ночныя пытки и боязни,
Святаго Марки Левъ златой,
Твой флагъ надъ влагою морской,

Твои древнѣйшія преданья,
Твои побѣды, злодѣянья,
Твоё коварство, хитрый умъ,
И горделивость скрытныхъ думъ,
И алчность злобная, и мщенье,
И стыдъ, и кровь, и преступленье,
Фальери, бѣдный и сѣдой,
Съ окровавленной головой,
Цареубійство — и потòмъ
Орёлъ Австрійскій надъ дворцомъ!

XLI.

Свершился судъ! — Насталъ часъ мщенья:
Раздался голосъ не земной, —
И уже знакъ порабощенья
Надъ дерзновенною главой
Простёртъ могильной пеленой.

XLII.

О чёмъ-же знакъ сей униженья
Гласитъ народамъ и вѣкамъ?
Какъ разгадать его значенье?
Гдѣ смыслъ таинственнымъ словамъ?

XLIII.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

XLIV.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

XLV.

Безвѣстно то; — но путникъ дальній,
Носяся думою печальной
Въ бытописаніи твоёмъ,
Со вздохомъ молвитъ здѣсь о нёмъ:
Тому давно была столица,
Морей надменная царица,
Венеція — вотъ имя ей —
Краса полуденныхъ зыбей,
Она могуществомъ блистала,
Законы Кесарямъ давала;
Но пала тоже и она:
Цареубійца казнена —
Свершёнъ правдивый приговоръ,
Её настигъ ужѐ позоръ!

XLVI.

Взойдётъ-ли новая денница
На твой туманный небосклонъ?
Узришь-ли, падшая царица,
Ка́къ освѣтится снова онъ;
Ка́къ, пышнымъ блескомъ поражая,
Вскипитъ опять волна морская,
Когда твой Дожъ, опять съ вѣнцомъ,
Вновь обручится съ ней кольцомъ?

XLVII.

Иль молнія — напрасны:
Святаго Марки грозный Левъ,
Врагамъ твоимъ всегда ужасный,
Навѣкъ сомкнулъ могучій зѣвъ, —
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

XLVIII.

Такъ, по ночамъ, фантазіей игривой,
Къ тебѣ лечу пылающей душой; —
На мигъ опять твои преданья живы,
И въ тишинѣ ихъ прахъ краснорѣчивый
Мнѣ говоритъ о бренности людской.

XVIX.

Они встаютъ вѣка́ преданій,
Вѣка̀ почившіе давно,

Вѣка́ могучихъ вспоминаній, —
Всё въ нихъ величія полно̀!
Покрыты пылію забвенья,
Они, стряхнувъ её, предъ мной,
Какъ-бы глашатай провидѣнья,
Вдругъ развернули свитокъ свой. —

L.

И, по́лонъ грусти и печали,
Мечтой прискорбной завлечёнъ,
Смотрю съ тоской я на скрижали
Давно забытыхъ ужь времёнъ. —
Вражды, убійства, поклоненій
Неразрѣшимое звѣно —
Какъ много было въ нихъ волненій,
Еще какъ много суждено!

LI.

Забыты призраки ночные,
И Брента полная гондолъ,
Гребцовъ напѣвы удалые,
И звуки стройныхъ баркаролъ; —
Забыто всё! — Душа крушится,
Душа болѣзнуетъ, томится;
Но всё, полна твоей красой,
Къ тебѣ привѣтъ сердечный свой
Она со вздохомъ посылаетъ,
Гонца съ слезами провожаетъ;

Но никогда, вслѣдъ за гонцомъ,
Не полетитъ къ тебѣ орломъ.

LII.

Люблю я Русь! — Ея мятели,
Снѣга̀, и вьюги и морозъ,
Со мною свычны съ колыбели —
Я къ нимъ привыкъ, я съ нимъ взросъ!
Они мои! — Я къ нимъ привязанъ,
Въ нихъ слышу голосъ я родной;
На жизнь и смерть я съ ними связанъ:
Я русскій сердцемъ и душой!

РѢДКІЯ МГНОВЕНІЯ.

Минуты есть: въ душѣ благоговѣнье,
Въ груди восторги чистые кипятъ,
И слышится намъ Серафимовъ пѣнье —
И взоръ въ слезахъ, съ мольбой, горѐ подъятъ.

И благодать, насъ свыше осѣняя,
Раскаянье намъ въ душу тихо льётъ,
И радость стройная, торжественно-живая,
Насъ въ обладаніе своё берётъ.

И по́лны мы небеснымъ той порой,
И что́-то насъ врачуетъ и живитъ,
И сонмы ангеловъ мы видимъ предъ собою —
Ихъ голосъ намъ безъ звуковъ говоритъ.

И въ этотъ часъ горѐ мы улетаемъ;
Тогда душѣ доступенъ нашъ Творецъ,
И мы къ Нему съ любовью возсылаемъ
Чистѣйшій ѳиміамъ — моленія сердецъ!

СТРАДАЛЕЦЪ.

Есть страдалецъ добровольный,
И нѣтъ равнаго ему:
Всё что̀ тяжко, всё что̀ больно,
Полный грузъ тоски юдольной,
Всё на долю одному!
Онъ избралъ себѣ страданья
И, покорный, онъ идётъ,
Крестъ тяжёлый сострадапья
Онъ безропотно несётъ;
Онъ таитъ своё мученье,
И, безмолвенъ, одинокъ,
Не клянётъ онъ грозный рокъ,
Полный вѣры въ провидѣнье!
Но въ душѣ страдаетъ онъ—
И страдаетъ онъ ужасно!
Лишь, порою, слабый стонъ,
Какъ-бы арфы тихій звонъ,
О судьбѣ его несчастной
Повѣсть мрачную гласитъ,
Но страдалецъ всё молчитъ!

Для другихъ есть упованье,
Скорби чудная заря!
Но страдальцу лишь страданье
Въ чашѣ горькой бытія.
Онъ печалью существуетъ,
Онъ печали обрѣчёнъ,
Отъ младенческихъ пелёнъ
Онъ лишь горемъ торжествуетъ,
Горемъ только онъ живётъ,
Горемъ дышитъ — съ нимъ умрётъ.

Блага жизни презирая,
Жизнь въ себѣ онъ затаилъ,
Не́ утративъ, замирая,
Полноты душевныхъ силъ.
Страсть онъ сердцемъ понимаетъ,
Страсти онъ не презираетъ,
Но въ ней бѣдный видитъ торгъ—
И далёкъ души̂ восторгъ!
И безстрастный, одинокій,
Мраченъ, грустенъ и суровъ,
Онъ хранитъ въ себѣ глубо́ко
То̀, чему нѣтъ въ мірѣ словъ.

Но когда, порой, въ часъ ночи,
Заблестятъ слезою очи,
И одинъ, втиши ночной,

Съ думой тайной, сокровенной,
Только Богомъ оцѣненной
Подъ бронёю ледяной,
Онъ предстанетъ, полный страха,
Сыномъ немощи и праха,
И предъ образомъ святымъ,
Передъ образомъ Мадоны,
Со стенаніемъ глухимъ
Молитъ скорой обороны,
Отъ мечтаній и отъ грёзъ,
И отъ тайныхъ, жгучихъ слёзъ —
Ктó, тогда, душою хладной
Несчастливца упрекнётъ
И надъ страстью безотрадной,
Неотступной, безпощадной,
Ктó невольно не вздохнётъ?

СУЩЕСТВЕННОСТЬ.

День-ото-дня всё рѣже вдохновенья,
Насталъ мой часъ: грустнѣе жизнь моя —
Заботы мелкія, тревожныя сомнѣнья
Гнетутъ сильнѣй часъ-о̀тъ-часу меня.
Я живо чувствую: нѣтъ цѣли предо-мною,
Я говорю себѣ: «Зачѣмъ мнѣ жизнь дана?»
Она-жь течётъ, пробитою тропою,
Однообразна и темна.

Существенность — сей кладезь жалкой прозы —
Мнѣ давитъ грудь подъ тяжестью своей,
А сѣвера туманы и морозы
Не въ-силахъ остудить пылъ огненныхъ страстей.
Воображеніе, врагъ счастія земнаго,
Въ міръ свѣтлыхъ думъ меня ужь завлекло,
И у порога роковаго
Свой приговоръ произнесло.

Въ чёмъ для другихъ блаженство и отрада,
Что̀ на землѣ всѣ ищутъ и зовутъ,

Къ тому лишь мнѣ поставлена преграда;
Существенность является мнѣ тутъ.
Неумолимая, разоблачая грёзы,
Въ противной наготѣ выводитъ ихъ она;
Какъ много, много жалкой прозы
Тамъ, гдѣ поэзіей душа была полна!...

Нѣтъ славы ... нѣтъ любви!... Во всёмъ одно искусство
Любовь — постыдный торгъ, а слава — гулъ пустой!
Страданья на-показъ — вотъ истинное чувство,
Безсилье злобное — вотъ сладостный покой!
Всё тонетъ въ вѣчности, всё долею забвенья,
Всему готовится конецъ ...
А на обломкахъ разрушенья
Презрѣнье ледяныхъ сердецъ!....

РЕВНОСТЬ.

Терзается сердце, палимо желаньемъ,
Мятежное пламя бушуетъ въ груди;
То яростью по́лно, то по́лно страданьемъ,
Оно призываетъ мученья свои,

Излиться желаетъ жестокимъ упрёкомъ,
Насмѣшкою колкой себя облегчить,
Иль бѣшеннымъ взрывомъ, словеснымъ потокомъ
За муки и трепетъ за-разъ отомстить.

Но словъ не находитъ, и, горечью по́лны,
Въ нёмъ чувства бушуютъ, какъ мрачныя во́лны
Въ часъ бури свирѣпой, средь бездны морской,

И гнѣвъ тотъ правдивъ-ли? — оно то̀ не знаетъ;
Но только въ страданьяхъ оно изнываетъ,
При мысли, быть-можетъ, нелѣпой, пустой!.....

———

ДВѢ СЛЕЗЫ.

Тихо вѣялъ вѣтеръ игривый
На эдемскія поля,
И покоилась лѣниво,
Въ красотѣ своей стыдливой,
Первобытная земля.
Чудной нѣгой всё дышало,
Славословило Творца,
И чего-то ожидало
Для земнаго первенца.
Только онъ одинъ, угрюмой,
Въ райскихъ пажитяхъ блуждалъ
И, волнуемъ тайной думой,
Безотчётно тосковалъ.
Вдругъ, мечтами утомленный,
Палъ на лугъ цвѣтущій онъ
И объялъ его мгновенно
Сладострастно-тихій сонъ.
Долго спалъ онъ; вотъ проснулся —
Передъ нимъ стоитъ жена,
Онъ къ устамъ ея коснулся,
И припала вмигъ она.
И слились они душою,

Влажны, томны ихъ глазà
И невольно той порою
Заблистала въ нихъ слеза...

Мнѣ зрится, мнѣ зрится другое мгновенье
И страшно, и бóльно, и холóдно мнѣ,
И волосы дыбомъ, и въ сердцѣ томленье,
Какъ въ ночь при зловѣщемъ, пугающемъ снѣ.
Смѣнился видъ чудный — свинцовыя тучи
Впервые на небо грядой налегли,
И громъ оглушительный, съ молніей жгучей,
Впервые пронёсся надъ твердью земли.
Природа уныла; лишь молніи сверкаютъ,
Затмилося солнце, вселенной краса,
Лишь бурные вѣтры по волѣ гуляютъ,
Съ укоромъ на землю глядятъ небеса.
Всё мрачно..... свершилось, увы, преступленье!
Ужасно наказанъ за грѣхъ человѣкъ!
И жители райскіе ангеломъ мщенья
Изъ родины дивной изгнаны на вѣкъ!
И горько, и бóльно изгнанникамъ бѣднымъ,
Подёрнулись влагой страдальцевъ глазà,
И вновь по ланитамъ, изсохшимъ и блѣднымъ,
Скатилась украдкой вторая слеза.

И съ тѣхъ поръ, когда отрада
Насъ нежданно посѣтитъ,

И запрётная награда
Насъ согрѣетъ, оживитъ —
Въ это чудное мгновенье
Какъ вольнѣе намъ дышать,
Мы въ залогъ за наслажденье,
За любовь и умиленье,
Рады вѣчность запродать!
Какъ восторгомъ затуманитъ
Чувство счастія глаза̀, —
Въ эту пору только канетъ
Первобытная слеза.
Но когда, съ упавшимъ духомъ,
Въ одиночествѣ, порой,
Мы внимаемъ чуткимъ слухомъ
Гласу скорби роковой;
Какъ на сердцѣ, словно камень,
Грусть тяжелая лежитъ
И завѣтный, чудный пламень
Загашая, холодитъ:
Въ часъ безсонной, долгой ночи
Мы бесѣдуемъ съ собой; —
И кропятся мигомъ очи
Ѣдкой, жгучею слезой:
Та слеза тлетворнымъ ядомъ
Въ сердце быстро потечётъ,
И отчаяніемъ, и хладомъ,
Какъ отравой, обольётъ.

КРАСАВИЦА.

Умильная, прелестная головка,
Кокетство тонкое съ сердечной добротой,
Ребёнка блажь и женская уловка,
Смѣсь остроумія съ душевной простотой,
Глаза̀-огонь, небрежныя движенья,
Улыбка чудная — всё небомъ ей дано!
Всё въ ней зовётъ на волю вдохновенье!
Всё въ ней поэзіи и роскоши полно̀!
Порой смиренница, порою мальчикъ,
Она всегда равно плѣнительно мила,
Грозитъ-ли вамъ ея прелестный пальчикъ,
На васъ-ли гордый взглядъ сурово навела.
Её постичь возможно только чувствомъ,
А хладный, важный умъ — изящному чума!
И ка̀къ цѣнить поэзію съ искусствомъ?
Любите ихъ, но только... . безъ ума!

———

ЛЮДСКОЙ СУДЪ.

Когда сердечныя утраты и страданья
На судъ пристрастный вашъ выноситъ вамъ поэтъ --
О люди! ждётъ онъ слёзъ горячихъ состраданья;
Но лишь бездушныя руганья
Толпы безсмысленной безжалостный отвѣтъ!

И говорите вы: «зачѣмъ тоской притворной,
И приторной, и скучной, и пустой,
И этой пѣснею однообразной, вздорной,
Смущаетъ онъ веселье и покой?
Что̀ намъ въ его тоскѣ? до ней какое дѣло?
Пускай морочитъ онъ другихъ!
Не можетъ чёрнымъ быть что̀ радужно и бѣло,
Его тоска — воображенье, стихъ!»

Но знаете-ли вы что̀ чувствуетъ несчастный?
Чрезъ что̀ онъ перешёлъ? что̀ вычувствовалъ онъ?
Какою пыткою душевной, ежечасной,
Купилъ онъ, наконецъ, безстрастья хладный сонъ?
Но знаете-ли вы, что для него нѣтъ цѣли?

Что онъ похоронилъ и радость и восторгъ?
И если онъ поётъ, какъ мученики пѣли,
То это горести и слёзъ взаимный торгъ!

Нѣтъ! нѣтъ! онъ не фигляръ! не гаеръ онъ бездушный!
И не комедіантъ — подёнщикъ суеты!
Но на землѣ ему, какъ на чужбинѣ, душно:
Онъ мученикъ и чувства и мечты!
Онъ пе́режилъ надежды и желанья,
Съ очей заплаканныхъ послѣдній спалъ покровъ;
И поплатился онъ за бѣглыя мечтанья
Годами мукъ, ярмомъ тяжёлыхъ сновъ....

И кто́, теперь, изъ васъ, судей его жестокихъ,
Дерзнётъ произнести несчастному укоръ?
Кто̀ не расплачется при видѣ ранъ глубокихъ?
Кто гордо отведётъ отъ мученика взоръ?
О, тотъ не человѣкъ! тото извергъ кровожадный!
Того откажется потомство и семья!
И, какъ отъ язвы смрадной,
Пусть отъ него бѣгутъ послѣдніе друзья!

БЫЛЪ ГОДЪ.

Былъ годъ, годъ мести роковой,
Годъ чудныхъ битвъ и жаркихъ преній,
Когда кипѣлъ за боемъ бой
И, средь народныхъ столкновеній,
Вставалъ день вольности златой!
И онъ взошелъ день этотъ чудный:
Оконченъ подвигъ многотрудный —
И средь пожарища Москвы,
Враги Руси, погибли вы!
Но въ этотъ годъ былъ день единый,
День незабвенный, день святой,
Когда кипѣлъ смертельный бой
И грозно нажималъ морщины
Непобѣдимый мужъ судьбины,
Столѣтнихъ пирамидъ герой!

Угадывалъ-ли онъ удушье злаго плѣна,
Иль слышалъ въ первый разъ онъ совѣсти укоръ,
Иль призракомъ вставалъ волканъ Святой Елены—

Но грустенъ, мраченъ былъ его орлиный взоръ.
Вотъ тихо подалъ знакъ онъ блѣдною рукою—
И быстро понеслись послушные полки,
И тартаръ задрожалъ, кровь полилась рѣкою,
И вотъ ударили въ штыки......

О, славенъ этотъ день отнынѣ и до вѣка!
Паденья громкаго начальное звено,
Онъ разрѣшилъ судьбу гиганта-человѣка,
И этотъ день—Бородино!

Ни прежде, ни потомъ себѣ не зная равныхъ,
Онъ въ памяти людей не перестанетъ жить,
Потомкамъ говоря о предкахъ достославныхъ:
Да́ помнятъ ихъ завѣтъ иль пасть, иль побѣдить:

Да́ знаютъ навсегда Европы дряхлой дѣти,
Что, нашу грань прешедъ, погибнетъ каждый врагъ;
Что отступленіе не страхъ, а буйству сѣти;
Что генія войны лишь мы постигли шагъ;
Что баловень побѣдъ, надменный, величавый,
Здѣсь видѣлъ, гасла ка́къ судьбы его звѣзда,
Роняя на него послѣдній отблескъ славы,
Чтобъ закатиться навсегда!

И вотъ съ-тѣхъ-поръ прошло едва-ли четверть вѣка;
Но быль *преданіемъ* казалась-бы давно,

Когда-бы въ двухъ словахъ намъ не́ было дано
Прочесть за-ра̀зъ судьбу гиганта-человѣка,
И тѣ слова̀ для насъ: Парижъ—Бородино!

Пройдутъ ещё вѣка̀, и много, можетъ-статься,
Но звуковъ чудныхъ тѣхъ ничто́ не истребитъ,
Такъ! будутъ каждый вѣкъ грознѣй они казаться —
И память прежнихъ дней потомство воскреситъ.
А если нѣкогда, съ боязнію невольной,
Ещё страшнѣй врага увидитъ нашъ народъ,
Онъ снова побѣдитъ, когда онъ богомольно
Воспомнитъ о тебѣ, *двѣнадцатый* намъ годъ!

НАПОЛЕОНУ.

На перенесеніе его праха.

Исполненъ онъ, предсмертный твой завѣтъ,
О, вождь безсмертнѣйшій межь грозными вождями!
Твой прахъ освобождёнъ!.... Чрезъ много, много лѣтъ,
Ты свидѣлся опять съ родными берегами.

Ты вновь во Франціи, прославленной тобой,
Гдѣ, межь имёнъ любимцевъ пышной славы,
Громчѣе всѣхъ твоё молвою вѣковой.
И блескомъ созданной державы!

Во срѣтенье тебѣ вся нація идётъ,
Звучатъ настроенныя лиры,
Чудесный мавзолей твои остатки ждётъ,
Орёлъ твой вновь ихъ стережётъ
И снова на тебѣ покоится порфира!

Пусть замолчитъ вражда, проклятья пусть молчатъ!
Цвѣтовъ, цвѣтовъ скорѣй!..... Усыпьте путь цвѣтами!

Живому мстили вы, но мёртвому не мстятъ:
Кровь, плачь онъ искупилъ кровавыми слезами ....

Такъ, бѣдствіямъ его насталъ теперь конецъ,
Звѣзда померкшая на небѣ просіяла:
Великому готовъ незыблемый вѣнецъ —
Ему привѣтствіе потомства прозвучало!

Настало лишь оно, и прахъ опальный твой,
Гонимый столько лѣтъ людскимъ ожесточеньемъ,
Пріемлемъ мы теперь съ нѣмымъ благовѣньемъ;
Народовъ разныхъ нѣтъ...... всеобщій ты герой,
Оплаканный давно всеобщимъ сожалѣньемъ!

Европа съ гордостью зритъ этотъ славный прахъ,
Приплывшій, наконецъ, чрезъ бездны океана,
Чтобъ быть врагамъ ея отнынѣ вѣчно въ страхъ,
Примѣромъ для владыкъ, урокомъ для тирана!

А ты возрадуйся!—Возрадуйтесь и вы,
Погибшіе давно средь пустынь Палестины,
Подъ небомъ пирамидъ, въ пожарищѣ Москвы,
На полѣ Ватерло и тамъ, гдѣ Аппенины!....

Возрадуйся и ты, погибшій въ цвѣтѣ лѣтъ,
Рождённый властвовать, умершій въ заточеньи,
Ктó опытомъ узналъ, что счастія здѣсь нѣтъ,

Кому судьбой назначенъ былъ весь свѣтъ
И кто́ почилъ въ нѣмомъ уединеньи!.....

Но больше всѣхъ возрадуйтеся вы,
Сподвижники его двѣнадцатаго го́да,
Вы уцѣлѣвшіе отъ грознаго похода.
Живыя хартіи восторженной молвы!

Вы вновь утѣшены васъ гнавшею судьбою;
Героя своего вы можете почтить;
И, въ передсмертный часъ, съ восторгомъ и тоскою
Завѣтный прахъ слезами оросить!

КЪ ПОРТРЕТУ

В. Н. Асенковой

Прелестна, какъ-будто богиня,
Какъ тёплаго юга весна,
Она — то вдругъ миѳъ-героиня,
То юнкеръ-повѣса она.

То манитъ къ себѣ сладострастьемъ,
Султаншей любимой глядитъ;
То, будто убита несчастьемъ,
Въ раздумьи печальномъ стоитъ.

Порою, шалуньей предстанетъ,
Безпечна, рѣзва и шумна;
Порою, цыганкою взглянетъ.
Томленья и нѣги полна.

То будто-бы геній-хранитель,
То будто кокетка, порой;

Но дайте ей хлыстикъ и китель —
Предъ вами безъусый герой

Игрива, какъ-будто ребёнокъ,
Лукава, какъ самъ Купидонъ,
Она, хоть божокъ, хоть чертёнокъ,
Но всѣхъ забираетъ въ полонъ.

Пощады незная нисколько,
Она не сулитъ ничего;
Играетъ сердцами — да только,
Глазами хоть сглазитъ кого.

Она, какъ ребёнокъ, васъ бѣситъ,
Какъ женщина, мучитъ, порой;
Но такъ граціозно чудеситъ,
Что любишь её всей душой.

Она хоть васъ мучитъ немножко,
Но можно-ль её осудить?
Такая головка и ножка
Должны всѣ головки кружить.

ЭЛЕГІЯ.

Дни поэтическихъ мечтаній
Ужѐ на вѣкъ для насъ прошли
И жаръ труда и жажду знаній
Съ собою вмѣстѣ унесли.
Молчатъ порывы вдохновенья;
Погружены въ тяжёлый сонъ,
Мы ждёмъ напрасно пробужденья —
Не прерывается всё онъ!
Такъ въ праздности, въ забавѣ вздорной,
Проходятъ лучшіе года̀,
Безъ мысли свѣтлой, плодотворной,
И безъ полезнаго труда.....
Лишь мелькомъ, словно призракъ дальній,
У насъ идея проблеснётъ,
На мигъ разгонитъ сонъ печальный —
Но ничего не принесётъ....
И дальше всё, въ мертвящей скукѣ
Мы всѣ торопимся отжить,

Боясь труда, страшась науки,
Не всилахъ мыслью паразить.
Конецъ всему! Къ предверьямъ гроба
Дойдя безъ мысли и труда,
Земная приметъ насъ утроба,
И мы исчезнемъ безъ слѣда....

НА СМЕРТЬ ДѢВУШКИ

(*Памяти В. Н. А.*)

Всё кончено!... Законъ судьбы свершился!....
Душой прекрасною бѣднѣе сталъ нашъ свѣтъ;
Онъ перла лучшаго лишился....
Её ужь нѣтъ!.... её ужь нѣтъ!...

Давно-ли, кажется, она еще блистала
Игривостью ума, безпечной остротой,
Такъ радостно цвѣла, какъ бабочка порхала
И громко славилась живою красотой?.....
Давно-ли, кажется, она всѣхъ привлекала
Своей сердечной добротой?....

И чтожь?.... ужь нѣтъ ея!.... она навѣкъ сокрылась,
Мгновенно намъ блеснувъ, какъ свѣтлый метеоръ;
Она намъ гостьею предстала,..... порѣзвилась,....
И тщетно ищетъ её взоръ!....

Такъ все прекрасное здѣсь на землѣ мгновенно,
Такъ радость и печаль здѣсь об-руку идутъ,

Такъ всё живущее и нéмощно и тлѣнно,
Такъ прадѣды давно насъ, правнуковъ, ужь ждутъ!

Но горько, бóльно намъ, когда передъ собою
Мы видимъ красоту, во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
И вдругъ предстанетъ смерть.... широкою косою
Взмахнётъ безжалостно.... и красоты ужь нѣтъ....

О, грустно, грустно намъ!... Несправедливость рока
Невольно мы клянёмъ.... Подавлены тоской,
Не можемъ плакать мы,.... отъ грознаго урока
Едва опомнившись съ растерзанной душой!

И жизнь тогда для насъ печальнымъ сновидѣньемъ,
Гдѣ горести сильнѣй и мучитъ насъ мечта,
И мы полны тогда безвѣрьемъ и сомнѣньемъ;
А въ сердцѣ хладъ и пустота!...

ЦВѢТОКЪ СЪ МОГИЛЫ.

Цвѣтокъ, мной сорванный съ могилы!
Я не разстануся съ тобой!
Ты будешь памятникъ унылый
Тоски безумной, но живой!....

Ты мнѣ напомнишь дни былые,
Тревоги, слёзы прежнихъ лѣтъ...
Минуты сердцу дорогія,
Какихъ ужь нынѣ больше нѣтъ!

Ты будешь мнѣ поминовеньемъ
Моей единственной любви —
Когда всё было вдохновеньемъ,
Когда огонь кипѣлъ въ крови.....

Ты, безъ прикрасъ и безъ искусства,
Когда-нибудь мнѣ повторишь
Всю повѣсть сдавленнаго чувства...
Семь лѣтъ ты жизни воскресишь!

Ты станешь мнѣ святымъ залогомъ
Свиданья *съ нею* въ небесахъ.....
И я покаюсь передъ Богомъ,
И я склонюсь предъ Нимъ во прахъ!

Ты дорогъ мнѣ, какъ вѣстникъ дальній
Отчизны лучшей и святой,
Цвѣтокъ, мной сорванный печально
Съ холодной крыши гробовой!

О, будь со мной!.. . Мнѣ грудь больную
Надеждой новой оживи:
Душѣ дай вѣру ты прямую,
Терпѣньемъ сердце укроти!

ОНЪ.

Пусть Франція поётъ Наполеона,
Пускай въ Италіи понынѣ славенъ Римъ,
Америка пусть славитъ Вашингтона.
Не позавидуемъ мы имъ!

У насъ Москва! — Полуночи столица,
Римъ сѣвера.... но вѣрный, но святой;
Тамъ тріумфальная разбилась колесница
И палъ тамъ запада герой!

У насъ Пожарскій есть: отчизны избавитель,
Онъ попранную Русь, съ крестомъ въ рукахъ, спасалъ;
У насъ Суворовъ есть: полуночный воитель,
По Альпамъ, съ громомъ, онъ торжественно шагалъ

У насъ всё есть, чѣмъ западъ столь гордится,
Намъ нечего завидовать ему;
А онъ давно на насъ со злобою косится,
Дивяся русскому уму.

Но есть ещё у насъ, чего онъ не имѣетъ,
Чего имѣть не будетъ и не могъ,
Кому нѣтъ равнаго, кто́ всѣхъ преодолѣетъ,
То Онъ — нашъ русскій полубогъ.

То Онъ, кто̀ твёрдою рукою
Россію поднялъ, поддержалъ,
Насильно просвѣтилъ, сроднилъ её съ собою —
И чудо новое Европѣ показалъ!

То Онъ, кто́ выше всѣхъ героевъ,
Предъ кѣмъ ничтожны всѣ, кто́ всѣхъ въ себѣ вмѣстилъ,
Кому, среди кровавыхъ боевъ,
Самъ Карлъ побѣду уступилъ.

То Онъ,—нашъ мощный просвѣтитель,
Матросъ, и плотникъ, и токарь,
Законодатель, побѣдитель
И величайшій въ мірѣ царь!

РОМАНСЪ

Какъ мгновенный метеоръ,
Разъ исчезнувъ, не заблещетъ;
Какъ потухшій уже взоръ
Жизнью вновь не затрепещетъ;
Какъ, низринутый грозой,
Не воспрянетъ дубъ могучій
И поникшею главой
Упирать не будетъ тучи; —

Такъ и сердце, гдѣ давно
Страсти бурныя пылали,
Ужь когда загашено
Дуновеніемъ печали,
Жизнью вновь не расцвѣтётъ,
Не забудетъ то, чтò мило,
И томительно замрётъ,
Если горе пережило!

ДИВНЫЙ КРАЙ.

Есть дивный край! Тамъ теплотою вѣетъ;
Тамъ мрачный кипарисъ, среди цвѣтовъ, растётъ;
Тамъ гордый лавръ роскошно зеленѣетъ;
Тамъ виноградъ, подъ небомъ юга, зрѣетъ;
Тамъ гондольеръ простой Эрминію поётъ.

Тамъ по волнамъ, средь ночи молчаливой,
Гондола тайная, одна, во тьмѣ скользитъ;
А близь лагунъ рукой нетерпѣливой
Сжимается кинжалъ..... Кинжалъ ревнивый!
Онъ, въ злобной радости, двѣ жертвы сторожитъ

Тамъ, подъ окномъ красавицы безвѣстной,
Влюблённый юноша ей шепчетъ про любовь,
И голосъ тотъ, гармоніей чудесной,
Ей говоритъ о радости небесной —
И быстро въ ней течётъ полуденная кровь.....

Тамъ мощи городовъ покоятся красиво
Среди тѣнистыхъ рощъ и памятныхъ гробницъ;

И для души, по-прежнему, всё живы
Вѣка̀ прошедшіе...... Краснорѣчивы
Расказы громкіе осаженныхъ границъ!

Тамъ чудно всё!... Тамъ всё напоминаетъ
Про славу прежнихъ дней, про вольность, про кинжалъ....
Тамъ вѣчный Римъ свободнымъ засыпаетъ,
Тѣнь Байрона невидимо летаетъ —
Тамъ живы Бонапартъ, Суворовъ, Ганибалъ!...

Тамъ юга лѣнь и карнавалъ весёлый,
И ты—прелестница, среди морскихъ пучинъ —
Венеція! гдѣ Брента и гондолы,
И звучныя ночныя баркаролы,
И набожный развратъ и гордый спадацинъ!..

Тамъ всё, всё то что̀ только вдохновенье,
Что̀ благороднаго, возвышеннаго есть;
Тамъ страсти знойныя, тамъ упоенье;
Тамъ лучшее, быть-можетъ, наслажденье —
Неумолимая, безжалостная месть!

Тамъ статуи безсмертнаго Кановы;
Тамъ Микель-Анджело и дивный Рафаэль;
Тамъ Брутъ разбилъ несносныя оковы
И Кесарь палъ..... Примѣръ чрезъ-чуръ суровый!
Тамъ пѣсней и искусствъ святая колыбель!

Страна любви, страна очарованья,
И днесь прелестная, на-зло твоимъ врагамъ,
Мнѣ не видать тебя!.... Мои мечтанья
Не сбудутся..... Но тайная желанья
Прими, прекрасная, какъ должный ѳиміамъ!

ПОДРАЖАНІЕ ЖАНУ ПОЛОНІУСУ.

Когда-бы мнѣ судьба навѣкъ не запретила
Глазами жадными всё на тебя смотрѣть
И между нами вдругъ не встала-бы могила,
Не раздѣлила-бъ насъ безжалостная смерть —
О, правда-ль, что тогда душа скучать-бы стала
Тебя любовію безплотною любить,
И грѣшной мыслію она-бы вдругъ призвала
Все то́, что̀ можетъ страсть мгновенно истребить?

Кто знаетъ? Можетъ быть! мы не́мощны душою;
И въ небесахъ парить ей не всегда дано:
Мы часто падаемъ подъ ношей роковою
И плотью лучшее всё въ насъ погублено.
Такъ, помню, по ночамъ, твой образъ незабвенный
Мнѣ сладко грезился, меня счастливилъ онъ.....
Я былъ на небесахъ..... но послѣ, пробужденный,
Я горько проклиналъ обманчивый свой сонъ!

И если правда то̀, такъ страшною чертою

Ты невотще отъ насъ теперь отдѣлена:
Пусть сердце мучится!.... Страданьемъ и тоскою
Безгрѣшная любовь мной будетъ спасена.
Но нѣтъ! не вѣрю я: желаніемъ нечистымъ
Тебя-ли осквернить когда-нибудь я могъ?
Нѣтъ, на́ небѣ звѣздамъ не меркнуть золотистымъ,
Нѣтъ, не посмѣлъ-бы я.... иль наказалъ-бы Богъ!

Но чувство то̀, увы, вотще мнѣ здѣсь блеснуло:
Едва я полюбилъ, ты скрылась отъ меня....
Какъ быстрый метеоръ, мнѣ счастье промелькнуло,
И снова я одинъ.... и снова сирымъ я!
Зато ничто̀ во мнѣ любви не помрачило,
Какъ прежде, образъ твой святыней окружёнъ;
Ты царствуешь надъ мной изъ-подъ своей могилы —
Прекрасный цвѣтъ завялъ.... но онъ не подточёнъ!

О, будь-же ты со мной!... Въ душѣ убитой, хладной,
Ничто́ житейское не возмутитъ тебя;
Для се́рдца станешь ты надеждою отрадной —
И, ангелъ свѣтлый мой, ты осѣнишь меня!
Когда же, можетъ-быть, подчасъ тоски угрюмой,
Безтрепетно моя подымется рука
И на́ душу вспадётъ зловѣщая мнѣ дума, —
О, появись ты мнѣ.... и скроется тоска!

КЛАДБИЩЕ.

Я помню: любилъ я кладбища съ-издѣтства
И было мнѣ любо бродить межь могилъ,
Меня не страшило усопшихъ сосѣдство:
Невидимо кто-то меня къ нимъ манилъ.

И часто, бывало, у чуждой могилы
Одинъ, про-себя, я о чёмъ-то мечталъ,
Какъ-будто *тогда-же* терпѣнья и силы
У мёртвыхъ на будущность я закупалъ.

То было предвидѣнье бѣдъ неминучихъ,
Иль просто то было влеченье души,
Безвѣстно мнѣ это.... но въ думахъ летучихъ
Не разъ вдохновенье раждалось втиши.

Мнѣ страннымъ казалось людское забвенье
Къ могиламъ ихъ предковъ, знакомыхъ, друзей,
И къ людямъ ребёнкомъ позналъ я презрѣнье:
Ребёнокъ — я чувствовалъ взрослыхъ сильнѣй.

Шли годы..... я выросъ; иныя мечтанья
Смѣнили собою мечты прежнихъ лѣтъ,
И я не искалъ ужь картинъ отцвѣтанья:
Я жилъ.... и мнѣ жизни милѣе былъ цвѣтъ.

Что̀ было мнѣ въ мёртвыхъ? Желанья и страсти
Вполнѣ обладали кипучей душой;
Всё мнѣ улыбалось..... не ждалъ я напасти,
Но громъ не замедлилъ — онъ грянулъ надъ мной....

И всё, что̀ любилъ я, что̀ жизнь поглотило,
Всё разомъ отъяла судьба у меня
И снова я пла̀чу надъ хладной могилой,
И жаль мнѣ усопшей..... и жаль мнѣ себя.....

Такъ здѣсь схоронилъ я всѣ радости се́рдца,
Чѣмъ памятны были былые года́,
И точно, какъ-будто мольбы иновѣрца,
Мнѣ радость отнынѣ на-вѣки чужда.

Кладбище, кладбище! опять, какъ бывало,
Я грустно мечтаю въ оградѣ твоей;
Но прежде мечтанья тамъ всё развлекало,
А нынѣ, напротивъ, тоска всё сильнѣй!

Такъ *вотъ что́* манило меня на кладбище:
Предчувствіе злое! ты было со мной,

Ты мнѣ указало на смертномъ жилищѣ
Иное кладбище съ могилой *иной*!....

Не даромъ-же былъ я печаленъ съ-издѣтства,
Не даромъ любилъ я мечтать у гробовъ:
Постигъ до поры я, что здѣсь всё суетство,
Я чуялъ душою мгновенность всѣхъ сновъ.

ЗИМА И ЛѢТО.

Небо такъ лазурно,
Во́лны такъ блестятъ.....
Отчего-жь такъ бурно
На душѣ опять?

Отъ того ей бо́льно,
Что природа вновь
Жжётъ въ насъ своевольно,
Молодую кровь

Отъ того и проситъ
Сердце тишь ночей,
Что оно не сноситъ
Пылъ своихъ страстей.

Но постой немного —
Вновь прійдётъ зима,
И души тревога
Стихнетъ вмигъ сама.

Такъ! всё здѣсь невѣрно,
Всё не разъ пройдётъ... .
Подожди..... и, вѣрно,
Будетъ твой черёдъ!

НОВЫЙ ГОДЪ.

По́лночь, други, прогудѣло:
Минулъ годъ, другой насталъ!
Всё надеждой засвѣтлѣло —
И заздравственный бокалъ,
Какъ издревле дѣдовъ чаши,
Переходитъ въ руки ваши:
Выпивайте-же до дна
Хмѣль забвенья и вина!

Мнѣ-жъ не пьётся: сердцу бо́льно,
Сердцу смутно-тяжело,
И при радости застольной
Горе на душу легло.
Не добро то̀ предвѣщаетъ,
И печально взоръ встрѣчаетъ
Этотъ новый, тайный годъ —
Цѣпь грядущихъ непогодъ.

Тяжко съ другомъ разставаться,

Намъ покинутаго жаль,
И страшимся мы пускаться
Въ неизвѣданную даль.
Какъ-бы факелъ погребальный,
Насъ пугаетъ призракъ дальній,
Озираяся кругòмъ,
Смутно мы чего-то ждёмъ.

Знали слёзы, знали горе
Мы въ ненастный этотъ годъ,
Бурно было жизни море,
Много было непогодъ!
Но не всё судьба разила,
И, порой, она дарила
Намъ улыбку, чары глазъ —
Знали радость мы подчасъ.

А теперь изъ насъ кто знаетъ
Чтò въ грядущемъ его ждётъ?
Радость, горе-ль онъ встрѣчаетъ
Въ быстрый гóда оборотъ?
Ждётъ-ли перстень обручальный?
Поцалуй-ли ждётъ прощальный?
Или саванъ и вѣнецъ —
Перепутицы конецъ?

Сердцу грустно, сердцу больно,

Сердцу смутно-тяжело,
И при радости застольной
Горе на́ душу легло.
Но готовъ фіалъ заздравный —
Въ честь отчизны православной,
Въ память скрывшихся друзей,
Въ память прежнихъ лучшихъ дней!

Такъ и быть, друзья, пью съ вами!
Наливайте-же вино;
Искромётными слезами
Пусть теперь кипитъ оно;
Пусть заблещетъ влагой чистой,
Влагой пѣнистой, златистой,
И съ послѣдней каплей въ ротъ
Пусть годъ въ вѣчность перейдётъ!

ЧЕЛНОКЪ.

(*Изъ Альфреда дё-Виньи*).

Пойдёмъ, красавица-дѣвица,
Небойся ввѣриться волнамъ!
Ты безъ богатствъ, души царица;
Но что́ съ тобой богатства намъ?
Челнокъ мой малъ — но онъ стрѣлою
Куда хочу домчитъ меня;
Взгляни: вотъ парусъ, руль съ кормою:
Всё это бѣдно, — я не скро́ю, —
Но здѣсь царёмъ всевластнымъ я!

Такъ! для людей, нуждой гонимыхъ,
Земля Всевышнимъ создана;
А для сердецъ неукротимыхъ —
Неизмѣримая волна!
Всё тайно въ ней, всё сладострастно,
При ней кипитъ живѣе кровь....
И какъ понятно, какъ прекрасно
Она намъ шепчетъ ежечасно
Про счастье, вольность и любовь!....

ОДИНОЧЕСТВО.

(Изъ Ламартина.)

Какъ часто на скалѣ, вечернею порою,
Подъ дубомъ вѣковымъ сажусь печально я,
И устремляю взглядъ безъ цѣли предъ собою,
На всё окрестное, въ раздумьи, не смотря.

Здѣсь — бурная рѣка пѣнистыми волнами
Потокомъ разлилась и шумно вдаль спѣшитъ;
Тамъ — прудъ недвижимый; надъ спящими водами
Звѣзда вечерняя восходитъ и горитъ.

На выси дикихъ скалъ, увѣнчанныхъ лѣсами,
Свѣтъ сумрака еще послѣдній бросилъ лучъ,
И блѣдная луна, съ прозрачными тѣнями,
Взошла таинственно среди туманныхъ тучъ.

Чу!... съ ветхой башни тамъ, вдали уединенной,
Окрестность огласилъ звукъ полный и святой;—

Прохожій крестится, и колоколъ смиренный
Съ послѣднимъ гуломъ дня сливаетъ голосъ свой.

Но тщетно всё, увы! восторгомъ грудь не млѣетъ,
Съ остывшею душой на всё взираю я;
Свѣтъ солнечный живитъ, но мёртвыхъ онъ не грѣетъ—
Какъ тѣнь блудящая мнѣ кажется земля.

Отъ сѣвера на югъ, и къ западу съ востока,
Вотще я грустный взоръ безмолвно провожу;
Вблизи, вдали — нигдѣ, въ судьбѣ своей жестокой,
Себѣ блаженства я равно не нахожу.

Хоромы пышныя и хижины простыя,
На-вѣкъ покинулъ васъ призрàкъ минувшихъ дней;
Лѣсà тѣнистые и скáлы вѣковыя —
Увы, *её* здѣсь нѣтъ, и всё исчезло съ *ней!*

Сначала иль къ концу свѣтило дня стремится,
Я съ равнодушіемъ взираю на него;
Восходитъ-ли оно, иль къ западу садится —
Какое дѣло мнѣ? — Не жду я ничего!

Хотя-бъ за нимъ слѣдить я могъ въ его теченьи,
И тутъ пустынею предстала-бъ мнѣ земля,
Гдѣ нечего желать, и гдѣ въ воображеньи
Отъ міра требовать мнѣ ничего нельзя.

Но тамъ, за грань его, — въ странѣ, гдѣ всё иное,
Гдѣ солнца лучь даётъ блескъ новымъ небесамъ,
Когда-бъ я сбросить могъ всё тлѣнное, земное —
Всё тò, чтò снилось мнѣ, явилось-бы очамъ.

Тамъ я обрѣлъ-бы вновь любовь и упованье;
Тамъ снова-бы позналъ я сладостный покой,
И это чистое, безгрѣшное желанье,
Невѣдомое намъ въ обители земной.

О, для чегожь нельзя мнѣ взмахомъ крылъ умчаться,
Разсторгнувъ узы всѣ, въ тѣ дивные края?
Зачѣмъ изгнанникомъ мнѣ суждено скитаться,
Когда ничтò къ землѣ здѣсь не влечётъ меня?

Когда поблёкшій листъ, вдругъ нá землю ниспавшій,
Подниметъ вѣтръ ночной, — его мчитъ съ пóля онъ;
Увы, я тó-же здѣсь, чтò это листъ увядшій,
Умчи-же и меня, о бурный аквилонъ!

БАРКАРОЛА.

Чрезъ синія волны,
Думъ сладостныхъ полный,
Помчался-бы я,
И тамъ, на просторѣ,
Забылъ-бы о горѣ,
Гнетущемъ меня.

Съ надеждой былою
Вслѣдъ за волною
Стремлюсь я душой;
Но тщетны желанья:
Одни лишь страданья
Даны мнѣ судьбой!

Напрасно, напрасно
Ты рвешься, несчастный,
За синюю даль!
Извѣдай вновь муки

Ты долгой разлуки —
Узнай вновь печаль!

Такъ! только кручины
Велѣньемъ судьбины
Здѣсь — доля твоя;
И, битвой измученъ,
Печаленъ и скученъ
Томлюсь только я.

Когда-же, усталый,
Покой свой бывалый
Я вновь обрѣту?
Иль только въ то̀ время,
Какъ жизни всей бремя
Въ могилу снесу?

Ну, что́-же? довольно!
Съ судьбой своевольной
Бороться нѣтъ силъ;
Пора отдохнуть-бы,
Пора и заснуть-бы
Въ тѣни средь могилъ.

ЛЮБОВЬ

Я узнаю тебя, мучительная страсть.
Недугъ губительный, но милый,
Любовь, — блаженство и напасть
Отъ колыбели до могилы!
Я узнаю тебя: давно знакомы мнѣ
Твои примѣты роковыя: —
Бредъ на-яву и бредъ во снѣ,
Мученья днёмъ, безсонницы ночныя!

Привѣтъ-же мой, привѣтъ тебѣ, любовь —
Хотя для насъ ты бо́льшой частью мукой,
Хоть намъ отравою ты прожигаешь кровь
И хоть кончаешься ты смертью иль разлукой.
Привѣтъ тебѣ .. сердечный мой привѣтъ!
Ты для меня прекрасною зарёю;
И хоть не воротить мечты минувшихъ лѣтъ,
Но я воскресну вновь отцвѣтшею душою.

Такъ! вновь они придутъ тревожные тѣ дни,
Какъ ревность и любовь меня собой терзали.

И снова принесутъ они
Восторги прежніе и прежнія печали.
Такъ! вновь я оживу.... бывалыя мечты
Мнѣ душу возмутятъ.... бывалыя страданья
Вновь къ жизни вызовутъ.... вновь вмѣсто пустоты
Я въ сердцѣ обрѣту любовь и упованья,
И отрѣкусь я вновь отъ свѣтской суеты.

И много, много дней я проведу тоскливо,
Блаженствуя и мучась чередой,
То слѣпо вѣруя, то злобствуя ревниво,
Пугаясь призрака, порой.
Но что-бы ни сулилъ приходъ мнѣ твой нежданный,
Привѣтъ тебѣ, привѣтъ!
Я чувствую.... люблю.... и вновь обѣтованный
Насталъ души разсвѣтъ!

CHÉRUBIN

Вотъ и онъ, красавецъ стройный,
Chérubin, любимецъ мой,
Граціозный, сердцемъ зноиный,
Пажъ, повѣса удалой.

Ка̀къ прекрасенъ онъ собою!
Что̀ за очи! что̀ за взглядъ!
Ка̀къ искусно онъ, порою,
Расточаетъ лести ядъ!

Чудный взглядъ его такъ томенъ,
Голосъ вкрадчивъ, и ктому-жъ
Онъ такъ робокъ, онъ такъ скроменъ,
Что невольно дремлетъ мужъ.

Но напрасно: пажъ влюблённый
Проведётъ его какъ-разъ,
И супругъ, имъ усыплённый,
Не избавится прикрасъ.

Посмотрите, ка̀къ отважно
Онъ глядитъ вокругъ себя,

Выступаетъ онъ какъ важно,
А ещё почти дитя.

Улыбаясь, онъ ласкаетъ
Небывалый усъ рукой,
И довѣрчиво мечтаетъ
О графинѣ молодой.

Чтожь? онъ правъ! повѣса милый
Онъ опаснѣй волокитъ:
Онъ чарующею силой
Обольститъ и побѣдитъ.

НОВОРОЖДЕННОЙ БОЛЬНОЙ

(1 Апрѣля 1841 г).

Одинъ, втиши уединенья,
Я провожаю этотъ день —
И шлю къ Всевышнему моленья,
Да̀ дастъ тебѣ онъ исцѣленье —
Какъ въ зной даётъ Онъ ночи тѣнь.

Да̀ сохранитъ твою Онъ младость
Отъ скуки, го́ря и заботъ;
Да̀ снова дастъ тебѣ Онъ радость —
Какъ мраку солнечный восходъ.

Да̀ низпошлётъ тебѣ на долю
Здоровье, миръ и тишину,
И славу громкую и волю —
Какъ послѣ вьюгъ Онъ шлётъ весну!

———

НА СМЕРТЬ МАКДОНАЛЬДА КЛАРКА,

ПРОЗВАННАГО «БЕЗУМНЫМЪ ПѢВЦОМЪ». (*)

Онъ умеръ — «пѣвецъ сумасшедшій» —
Страдалецъ-поэтъ!
Цѣль жизни въ любви лишь нашедшій,
Забывшій про свѣтъ!

Онъ умеръ, какъ жилъ онъ, мечтая
О страсти своей,
И мысленно «ей» посвящая
Стихи-же объ «ней»

Онъ жилъ здѣсь почти незамѣтно,
Молитву творя,

(*) Желающіе узнать подробности о жизнѣ этого замѣчательнаго американскаго поэта, скончавщагося зимою 1843 г. въ Нью-йоркѣ, пускай прочтутъ краткую; но весьма удачно написанную біографію его, помѣщённую въ № 45 Русскаго Инвалида за 1844 г.

И съ нѣжностью робкой привѣтно
Ей въ очи смотря.

Любилъ онъ одинъ углубляться
Въ таинственный лѣсъ,
И тамъ, въ-тишинѣ, дознаваться
Сокрытыхъ чудесъ....

Любилъ онъ шумъ моря, въ часъ бури,
Любилъ онъ дѣтей,
Любилъ цвѣтъ небесной лазури,
И зелень полей.

Но больше дѣтей и природы —
Любовь онъ любилъ,
Ей отдалъ всѣ лучшіе годы
И ею онъ жилъ.

Повсюду искалъ онъ напрасно
Души здѣсь родной;
За нею стремился всечасно
Онъ робкой душой.

И долго средь жизни онъ шумной
Тотъ призракъ искалъ:
Его недождался безумный —
Его не призвалъ!

Съ улыбкою тихой и ясной
Покинулъ насъ онъ,
И въ міръ перешёлъ онъ прекрасный,
Исчезнувъ, какъ сонъ....

Но память о бѣдномъ поэтѣ
Въ сердцахъ всё живётъ:
Любилъ кто такъ много на свѣтѣ,
Тотъ вѣкъ не умрётъ!

Пускай всѣ съ насмѣшкой холодной
Твердили объ нёмъ —
Воскреснетъ онъ въ пѣснѣ народной,
Въ преданьи живомъ!

Къ могилѣ безумца, порою,
Дѣвица придётъ;
Почтитъ его память слезою,
Цвѣты принесётъ.

И съ думой стыдливой, быть-можетъ,
О миломъ ей снѣ,
Она на могилу положитъ
Цвѣты втишинѣ.

И въ часъ тотъ изъ гроба возстанетъ
Безумный пѣвецъ,

И тихо изъ глазъ его канетъ
Слеза на вѣнецъ....

А тѣ, что̀ смѣялись жестоко,
Пѣвецъ! надъ тобой,
Тѣ будутъ въ могилѣ глубокой
Забыты молвой!

ЗАБВЕНІЕ.

«Не позабуду я минувшія волненья,
Минувшую любовь;
Но сердца прежнія желанья и сомнѣнья
Не возвратятся вновь;
Они навѣкъ прошли, исчезли, какъ мечтанья,
Какъ жаркій, чудный сонъ,
Оставивъ по себѣ одни воспоминанья —
Глаголъ другихъ времёнъ!»

Такъ мыслимъ мы порой, когда грозы нежданной
Падётъ на насъ ударъ,
И намъ представятся впервые сердца раны,
Его потухшій жаръ....
И вѣримъ мы тогда, что сердце молодое
Заснуло мёртвымъ сномъ;
Что замерло оно, и что одно былое
Владычествуетъ въ нёмъ,

Обманъ!.... одинъ обманъ! Оно на-мигъ спокойно,
Но часъ едва пробьётъ —

И снова закипитъ въ насъ сердце страстью знойной,
Вновь лава въ насъ течётъ.....
Вмигъ позабыто всё: минувшаго мученья,
Злой опыта урокъ......
И съ силой новою терзаютъ насъ сомнѣнья,
Какъ неизбѣжный рокъ!

НА СМЕРТЬ ЮНОШИ.

(*Памяти В. В. Паткуля*).

Свершилось.... нѣтъ *его!* Угасъ онъ безмятежно
Вдали отъ родины, среди земли чужой,
И только дружбою оплаканъ ты здѣсь нѣжно,
О Воля милый мой!

Увы! ни молодость, ни красота, ни силы
Не умолили смерть и не спасли тебя,
И сталъ ты жертвою безвременной могилы,
О бѣдное дитя!

Едва съ плечъ сбросилъ ты младенчества одежды,
Едва ты нáчалъ жить и радости вкусилъ,
И гдѣ твои теперь мечтанья и надежды?
Холодный гробъ ихъ поглотилъ!

Объятъ могильнымъ сномъ, ты спишь въ землѣ холодной,
Вдали отъ родины, семейства и друзей,

И замеръ навсегда твой голосъ благородный
Въ груди возвышенной твоей.

Гдѣ пылкость юныхъ думъ? къ высокому стремленья?
Гдѣ жаръ души младой? завѣтныя мечты?
И вы, неясныя и тёмныя волненья?
И дружба нѣжная, гдѣ ты?.. .

Увы! исчезло всё... . земля всё поглотила!
Окончился твой вѣкъ и самъ ты прахомъ сталъ.
Лишь только гробъ одинъ, да тёмная могила,
Вотъ всё, что̀ Богъ тебѣ здѣсь далъ!

Печаленъ жребій твой, о юноша несчастный!
Такъ, горько умереть во цвѣтѣ лучшихъ дней!
Но друга пережить и звать его напрасно —
Еще жесточе и больнѣй!

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

Невѣрь любви..... любовь обманетъ!
Не вѣрь ты дружбѣ..... нѣтъ ея!
И рано-ль, поздно-ли, настанетъ
Разувѣренье для тебя.

Любовь и дружба — сонъ прекрасный,
Но всё не болѣе, какъ сонъ!
И только мукой ежечасной
Поплатится всегда несчастный
За тò, что вѣровалъ въ нихъ онъ.

Зачѣмъ-же расточать безумно
Намъ чувства лучшія свои,
И въ вихрѣ жизни праздно-шумной
Искать и дружбы и любви?

Зачѣмъ въ напрасныхъ ожиданьяхъ
Терять намъ лучшіе годà,
Чтобъ послѣ, въ гóрѣ и страданьяхъ,

Забывъ о свѣтлыхъ упованьяхъ,
Томиться скукой завсегда?

Нѣтъ, лучше и зародышъ чувства
Въ груди своей ты задуши,
И помни — здѣсь одно искусство,
Но нѣтъ нигдѣ родной души!

Вооружась разсудкомъ хладнымъ,
Люби ты одного себя,
Простись съ мечтаніемъ отраднымъ
И будь бойцомъ ты безпощаднымъ,
Другихъ съ усмѣшкою губя.

И хоть не счастливъ, но доволенъ
Своей судьбою будешь ты,
Спокоенъ, равнодушенъ, воленъ,
Забывъ, что въ мірѣ есть мечты.

ПРОСТИ, ПРОСТИ!

Прости, прости, о ты кого такъ много,
Такъ искренно, такъ долго я любилъ,
И не суди безчеловѣчно-строго
Того, кто здѣсь тобою только жилъ!
Прости, прости!

Прости, прости, — на вѣки можетъ-статься;
Быть-можетъ, намъ не свидѣться съ тобой;
Чужой для всѣхъ пойду я вѣкъ скитаться
Изъ края въ край бездомнымъ сиротой.
Прости, прости!

Прости, прости! но знай, что за тобою
Послѣдую повсюду мыслью я,
И, какъ умру, почти хотя слезою
Мой бѣдный прахъ, жестокое дитя!
Прости, прости!

РУССКІЙ ГОЛОСЪ.

Было время: міръ дрожалъ,
Низвергались троны,
И французъ всѣхъ побѣждалъ,
Всѣмъ давалъ законы.

Было время: нашъ сосѣдъ,
Нѣмецъ боязливый,
Слалъ святой Руси привѣтъ
И къ войнѣ призывы:

«Помоги, — взывалъ онъ къ ней —
Ополчись за брата;
Русь святая, поскорѣй
Грянь на супостата!»

И пошла на брань она,
Слыша гласъ народа,
И Европѣ отдана
Прежняя свобола.

Отстояла цѣлый міръ,
Порѣшила битвы,
Привела въ Парижъ на пиръ
Съ вѣрой и молитвой.

Чтó-же другъ нашъ? нынѣ онъ,
Позабывъ чтò было,
Бьётъ въ набатъ со всѣхъ сторонъ
И грозитъ намъ силой.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Участь нашу порѣшилъ,
Разобравъ на части,

И предѣлы положилъ
Нашей грозной власти.

И ликуетъ и гремитъ
Шумно, громогласно,
И Россіи онъ грозитъ,
Только жаль — напрасно!

Не тебѣ её сломать,
О сосѣдъ коварный!
Съ нею Божья благодать,
Знай, неблагодарный!

Крикъ её не возмутитъ,
Что̀ ей говоръ дѣтскій?
А придутъ, такъ постоитъ —
Грудью молодецкой.

Ко́ли часъ войны насталъ,
Русь положитъ кости;
Угоститъ васъ на-повалъ,
Не́званые гости!

ИСТОРІЯ ЛЮБВИ.

Нѣтъ, нѣтъ! повѣрьте мнѣ: надъ сердцемъ мы не властны,
Воззвать и погасить не можемъ мы любовь,
Безпроизвольно мы то страстны, то безстрастны,
Безпроизвольно въ насъ кипитъ волканомъ кровь.
Холодный разумъ нашъ — плохая оборона,
Когда настанетъ онъ, любви завѣтный часъ,
И не отрѣчься намъ отъ ней, какъ отъ закона,
И опытность сама ничто́ предъ ней для насъ!

Безъ власти надъ собой, и безъ желанья власти,
Мы предаёмся ей, какъ утлый чёлнъ волнамъ,
И не избѣгнемъ мы волненій, бури страсти,
Тревогъ мучительныхъ — но вѣчно милыхъ намъ.
И знаемъ это мы, и вѣримъ, что слезами
Заплатимъ мы пото́мъ за свѣтлыя мечты;
Но страсть сильнѣе въ насъ, и тяжкими годами
Готовы мы купить взглядъ каждый красоты.

А годы между-тѣмъ идутъ себѣ спокойно,
Безостановочно текутъ они, текутъ....
Глядь—молодость прошла!... и съ нашей страстью знойной
Смѣшны становимся мы точно жалкій шутъ.
И всё, что́ было въ насъ высокаго, прямаго,
Чѣмъ жизнь печальная была еще полна.
Всё достояніемъ становится смѣшнаго —
Всему концомъ насмѣшка суждена!

ВЪ АЛЬБОМЪ И НЕ ВЪ АЛЬБОМЪ.

I.

Васъ нелюбить — грѣшно,
Любить-же — безразсудно;
Бѣжать отъ васъ — смѣшно,
Быть съ вами вмѣстѣ — трудно!

При васъ — себя мнѣ жаль,
Врознь съ вами — просто мỳка;
При васъ — въ душѣ печаль,
Безъ васъ — хандра и скука!

II.

Такъ это вы, кого я такъ любилъ,
Съ такимъ тяжёлымъ напряженьемъ,
О комъ мечталъ я, кѣмъ я жилъ,
И жертвовалъ кому не разъ я вдохновеньемъ!

Такъ, это вы?... я не узналъ-бы васъ!
Смотрю и мыслю: это вы-ли?
    Увы, огонь очей погасъ,
И сердце, коимъ вы шутили,
    Мертво́ и нѣмо въ этотъ часъ,
Какъ нѣкогда вы сами нѣмы были!

ПѢСНЯ ГОРЕМЫКИ.

Съ каждымъ днёмъ грустнѣе
Становлюся я,
Каждый часъ сильнѣе
Мучитъ скорбь меня.

Прежнее постыло,
Новость не влечётъ;
Ничего не мило —
Знаю: всё пройдётъ!

Грустно — одиноко
Го́ре размыкать,
До́ ночи глубокой
Во́все сна не знать.

Грустно — безпрестанно
Думать объ одномъ,
Что̀, увы, такъ рано
Кажется намъ сномъ!

Плакать-ли захочешь —
Нѣтъ слезы въ глазахъ;
Знай себѣ хохочешь
Такъ, что сердцу страхъ.

Хочешь-ли молиться —
Не находишь словъ;
Хоть живьёмъ ложиться
Между мертвецовъ.

Бо́льно, очень бо́льно
Въ молодость терпѣть,
И душой невольно
О быломъ скорбѣть.

Бо́льно безъ надежды
Счастье призывать,
И, закрывши вѣжды,
Рано смерть желать!

Но мольбы напрасны:
Жизнь себѣ течётъ....
Знать, и смерть къ несчастнымъ
На ихъ зовъ нейдётъ.

МОЛИТВА.

Услышь, Господь, мои моленья,
Не дай погибнуть до-конца!
Прости мои мнѣ прегрѣшенья
Со всею благостью Отца!
Что̀ съ умысломъ иль отъ незнанья
Худаго здѣсь я совершилъ:
Словами, дѣломъ, безъ сознанья,
Или съ сознаньемъ прегрѣшилъ —
Всё отпусти мнѣ, Боже правый!
Меня спаси и вразуми,
И умъ смири во мнѣ лукавый
И му́ки се́рдца ты уйми.
Соблазны всѣ и искушенья
Ты отврати на-вѣкъ, Господь,
Да будутъ чисты помышленья,
И душу не погубитъ плоть.
Мой разумъ, что́ во тмѣ блуждаетъ,
Творецъ всесильный, просвѣти,

И это сердце, что́ страдаетъ,
Ты уврачуй и укроти.
Души больной сомнѣнья злыя
Разсѣй, о Боже, втишинѣ,
И дай мнѣ помыслы благіе,
И вѣру укрѣпи во мнѣ.
Пусть на судѣ Твоёмъ Христовомъ
Отвѣтъ дамъ добрый я на всё
И какъ умру — могучимъ словомъ
Отверзи царство мнѣ Своё!

ПАМЯТИ С. П. Ф.

Ещё ударъ судьбы!... ещё одно страданье!
Вновь сожалѣніемъ душа омрачена:
Опять мнѣ слышатся и стоны и рыданье —
Вновь жертва юная во гробъ увлечена!

Увы, мнѣ жаль *его*! Онъ былъ еще такъ молодъ,
Такъ много радости онъ видѣлъ впереди,
И чтóжъ? объялъ его нежданно смерти холодъ —
И сердце замерло въ грули!

Безпечный юноша, довѣрчиво мечтавшій,
Какъ дымъ, разсѣялись твои всѣ здѣсь мечты!
Красавецъ молодой, собою всѣхъ плѣнявшій,
На чтó тебѣ теперь всѣ чары красоты?....

Увы, взамѣнъ любви и участи блестящей,
Могилу душную тебѣ назначилъ рокъ,
И страшною косой, безжалостно разящей,
Отъ дружбы и любви навѣкъ тебя увлёкъ!

Увы, не помогли ни красота, ни силы,
Отъ смерти алчущей молитвы не спасли,
И не избѣгнулъ ты таинственной могилы,
О, бѣдный сынъ земли!

Знать, грѣшный этотъ міръ тебя былъ недостоинъ,
Знать, слишкомъ былъ хорошъ ты для него и насъ,
И Богъ тебя призвалъ, да счастливъ и спокоенъ
Его средь ангеловъ ты славишь каждый часъ!

Прости, прости навѣкъ! Лишь краткое мгновенье
Ты появился *здѣсь*, и вновь, ужè незримъ,
Сокрылся ты отъ насъ, какъ чудное видѣнье —
Сперва жилецъ земли, отнынѣ херувимъ!

NOTTURNO.

Черная гондола
Во́лны разсѣкаетъ,
Звучно баркарола
Воздухъ оглашаетъ.
Тихо всё, спокойно,
Ропщутъ только во́лны;
Миновалъ день знойный
И томленья полный.
Вдалекѣ отъ шума,
Средь ночной прохлады,
Поэтичнѣй дума,
Много есть отрады!
Жизни вялой бремя
Легче на мгновенье,
Забываешь время,
Чуешь вдохновенье...
Сердцу такъ привольно
Мыслить, забываться,
Звуками невольно
Ночью упиваться.

Горе и печали,
И былыя слёзы —
Всё на-мигъ умчали
Радужныя грёзы
Но вдали бѣлѣетъ
Тихая ограда:
Тамъ другъ се́рдца тлѣетъ —
И прошла отрада.
Сердце вновь заныло,
Мраченъ я и скученъ,
И опять, какъ было,
Жизнію измученъ.
Рокъ мой безпощадный!
Было-бъ мнѣ не трудно
Средь могилы хладной
Вѣкъ спать безпробудно!

ЧТО̀ БЫЛО, ЧТО̀ БУДЕТЪ.

Мечты и надежды, тоску и любовь
Позна́ю, быть-можетъ, я вновь,
И бѣдное сердце, что́ дремлетъ давно,
Очнётся, безумствомъ полно́.

И снова я буду мечтать цѣлый день,
Лелѣять задумчиво лѣнь,
Искать вдохновеній, вдали отъ людей,
Во мракѣ безсонныхъ ночей....

Опять, какъ бывало, предамся вполнѣ
Я страсти, сказавшейся мнѣ;
Но въ мірѣ не быть мнѣ восторженныхъ грёзъ,
Гдѣ много отрады и слёзъ

Но въ помыслахъ новыхъ не быть чистоты,
Которою по̀лны мечты
Въ тѣ дни, какъ впервые узна̀етъ душа,
Что жизнь на землѣ хороша!

(19 Іюня 1844 г.)

Бываютъ дни, когда восторгомъ дивнымъ
Вся переполнена душа;
Когда ничто̀ намъ здѣсь не безотзывно,
Когда земля для насъ такъ хороша!
Въ тѣ дни вполнѣ довольны мы судьбою,
Въ тѣ дни мы счастливы вполнѣ,
И умиленною душою
Къ Творцу возносимся, съ молитвой, втишинѣ.
Но рѣдко эти дни судьбою намъ даются,
Какъ сонъ они мелькнутъ.... и вотъ исчезли вновь....
Но въ памяти сердечной остаются
Они навѣкъ, какъ первая любовь....

Мечтай, мечтай! однѣ мечтанья
Здѣсь счастье намъ даютъ!
Мечтай, дитя! не тò — страданья
Какъ-разъ тебя убьютъ.

Мечтай! отъ жизни удалися!
Не страшны лишь мечты:
Надѣйся, вѣруй и молися —
И будешь счастливъ ты.

Бѣги существенности хладной,
Губительныхъ страстей,
И не проси, дитя, такъ жадно
Ты счастья у людей!

Они тебя, повѣрь, обманутъ,
И осмѣютъ потòмъ;
И разбирать тебя всѣ станутъ
Безъ чувства — но съ умомъ

А судъ людской — безчеловѣченъ.
Казнитъ съ усмѣшкой онъ,
Неумолимъ, жестокъ, безпеченъ,
Страшнѣе чѣмъ законъ.

Ему до слёзъ и до страданій,
Повѣрь, и дѣла нѣтъ,
Ему не нужно упованій:
Лишь блеска жаждетъ свѣтъ

И если ты, раскрывъ объятья,
Придёшь на судъ людской,
Повѣрь: тебя не встрѣтятъ братья,
А только хохотъ злой.

И, поражёнъ измѣной злою,
Вздохнувъ, ты прочь пойдешь;
Но прежнихъ думъ душой больною
Ты вѣкъ не обрѣтёшь!

МЕРТВЕЦУ

Усопшій братъ! глубо́ко, бо́льно
Тебѣ завидую невольно
Я омертвѣвшею душой!

Спокоенъ ты на лонѣ Бога;
Твоя окончена доро́га —
Поверженъ, путникъ, посохъ твой.

Ты чуждъ заботъ и искушеній
И пытка горькая сомнѣній
Тебѣ ничто̀: спокоенъ ты...

Ты не томишься зноемъ страсти
И не клянёшь, какъ мы, въ напасти
Свои завѣтныя мечты.

Ни мелочь чувствъ, ни наши нужды
Тебѣ невѣдомы, и чужды
Онѣ тебѣ — ты выше ихъ!

Какъ мы, ты слёзъ не проливаешь,

Какъ мы, людей не презираешь,
Спокоенъ, сумраченъ и тихъ.

Въ своей таинственной гробницѣ
Свободенъ ты, и, какъ въ темницѣ,
Ты въ ней не вянешь и молчишь,

И, жертвуя невольно страху,
На будущность, какъ-бы на плаху,
Ты изъ-подлобья не глядишь ....

Безмолвенъ ты въ землѣ холодной,
И чувствъ высокихъ жаръ безплодный
Не тяготитъ тебя тоской.

Ты, какъ ребёнокъ, спишь спокойно
И страстью бѣшеной и знойной
Не возмущаемъ твой покой.

На что̀ тебѣ любовь, свобода,
Восторгъ или хула народа?
Имъ не прервать твой вѣчный сонъ!

И, полный гнѣва, полный силы,
Ты не возстанешь изъ могилы,
Какъ на тебя возстанетъ онъ.

О, да! мучительно и бо́льно
И съ тёмной завистью невольно
Смотрю я на тебя, мертвецъ!

Пусть сердце хладно, хладны руки —
Избавленъ ты навѣкъ отъ муки,
И мнѣ завиденъ твой конецъ!

ПѢСНЯ.

Годы молодые,
Скоро вы прошли!
Радости былыя
На̀вѣкъ унесли!

Всё, что́ было мило,
Всё, что́ сердце жгло
И ему такъ льстило—
Скрылось и прошло!

Лучшія желанья,
Свѣтлыя мечты,
Всѣ, всѣ упованья —
Блёкнутъ, какъ цвѣты.

Знать, угомонилось
Опыта рукой
Сердце, что́ такъ билось
Страстью иль враждой!...

Знать, приспѣло время
Ретивому спать,
Чувства сбросивъ бремя,
Тихо замирать....

Ужь ему тревогу
Снова не забить:
Надо по-немногу
Нàвѣкъ опочить....

Надо остудиться,
Треснуть иль заснуть....
Пóлно, сердце, биться!
Время отдохнуть!

ОРАНІЕНБАУМСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

(А. Ѳ. А......еву.)

Увы! какъ быть, мой другъ? опять передо мною
Я вижу прежнее: задумчивой мечтою
Я воскрешаю вновь картины старины,
Видѣнья смутныя, обманутые сны....
Какъ быть? Ещё лѣта̀ меня не остудили —
И равнодушіемъ души не умертвили!
Зато, я чувствую, во мнѣ играетъ кровь —
И въ сердцѣ царствуетъ, по-прежнему, любовь....
Всё о́жило, воскресло, обновилось,
Картиной стройною въ глазахъ моихъ раскрылось,
Заговорило вновь знакомымъ языкомъ —
И вотъ передо мной опять Ораньенбаумъ!
Скажи: ты не забылъ живые разговоры,
И тайныя мечты, и косвенные взоры,
И вѣчный биліардъ, и карты, и стихи,
Куплеты лёгкіе — давнишніе грѣхи?
А взрывы ревности? а сладость ожиданья?
А «подъоконныя» безсмѣнныя гулянья —

Туда, на-лѣво всё, поближе къ воротамъ,
Гдѣ сердцу веселѣй, гдѣ есть просторъ мечтамъ?...
Вотъ онъ—тесовый домъ, очарованья полный,
А сзади Балтики о берегъ бьются волны,
На улицу шесть свѣтлыхъ оконъ да заборъ,
Навзморье скромный садъ, предъ нимъ крыльцо на дворъ....
Нѣтъ, не забуду я, какъ мы вокругъ бродили,
Какъ мы настойчиво взглядъ каждый строжили,
Кляня свою судьбу, глядѣли на окно —
И было на душѣ то ясно, то темно!....
Всё вижу, помню я! и думой шаловливой
Рисую я тебя: наѣздникъ терпѣливый,
Поводья опустивъ, ты тащишься шажкомъ
На финскомъ скакунѣ назадъ въ Ораньенбаумъ....
А мы, съ «учителемъ», отъ смѣха помирая,
Пускаемся въ галопъ и, воздухъ оглашая
Весёлостью своей, всё далѣе спѣшимъ,
Пока и сами мы въ конюшню не влетимъ.
А богатырь-Кронштадъ?.... а хохотня?.... а рѣчи?....
И—помнишь-ли—въ саду насильственныя встрѣчи?
И мало-ль что ещё!.... Всё сердце шевелитъ....
Всё радуетъ его и вмѣстѣ тяготитъ!
И вотъ — сижу я вновь печальный, одинокой,
Стремится лишь, порой, на волю вздохъ глубокой;
На даль туманную въ раздумьѣ я гляжу —
И память о быломъ, какъ инвалидъ, бужу.

КЛЕВЕТНИКУ.

Ктобъ ни былъ ты, чья дерзкая рука
Надгробный памятникъ безумно осквернила
И пошлыя, безчестныя слова́
Надъ прахомъ честнымъ начертила! —
Ты жалокъ мнѣ, какъ человѣкъ пустой,
Въ которомъ нѣтъ ни чувства, ни разсудка;
Ты съ мелкою, ничтожною душой,
И ка́къ бездушна твоя шутка!...

Но берегись! есть мщенье у небесъ —
И рано, поздно-ли,—оно, повѣрь мнѣ, грянетъ;
И не спасутъ тогда ни храмъ ни тёмный лѣсъ:
Оно вездѣ тебя застанетъ.
И горе! горе! надъ собой
Ты испытаешь вдругъ всю тяжесть божьей кары:
Надъ святотатственной, преступной головой
Падутъ громовые удары.

Ты станешь сожалѣть о томъ, что̀ сдѣлалъ ты;
Но будетъ поздно—и слезами

Не искупить, повѣрь, безчестныя мечты—
И тяжкими заплатишь ты годами
За мигъ единый клеветы.
О, счастливъ ты ещё, когда прямое мщенье
Тебя найдётъ средь насъ, живущихъ на землѣ;
Не то́ — ка̀къ знать? — есть вѣчныя мученья
Тамъ въ страшной и подземной мглѣ!

Но что̀-бы ни сулилъ тебѣ твой рокъ печальный,
Опять я повторю: ты съ жалкою душой,
Когда безстыдно такъ надъ замогильной тайной
Кощунствуешь безпутной головой!
И если нѣтъ въ тебѣ ни совѣсти, ни вѣры,
И если съ честію ты даже незнако́мъ,
И гнусенъ также ты, какъ гнусны лицемѣры, —
Такъ пусть-же надъ тобой падётъ небесный громъ!

Бѣги, бѣги-же прочь!.... Кто можетъ та́къ безбожно
Ругаться надъ святымъ и мёртвыхъ оскорблять,
Къ тому и жалость невозможна —
Того лишь должно проклинать!
Но я .. . я удержу свое негодованье,
Проклятіямъ своимъ не дамъ свободы я;
Но знай: пріидётъ оно, святое наказанье—
И грянетъ громомъ на тебя!

ЕЩЕ ПРИЗНАНІЕ.

Да! я люблю тебя такъ пламенно и много,
Какъ никого я въ мірѣ не любилъ,
И знаю я хотя, что свѣтъ осудитъ строго —
Любви своей не таилъ!
Да и кчему, скажи, скрываться мнѣ напрасно?
Кого обманемъ мы?... О, вѣрь, что никого!
Кто любитъ, такъ какъ я, и пламенно и страстно,
Тотъ скрыть не можетъ ничего.

Такъ! взглядъ и слово намъ измѣнятъ, другъ мой милый;
Нельзя того таить, что̀ вѣчно на устахъ;
Любовь своё возмётъ: неодолимой силой
Она прорвётся вдругъ во взорѣ и въ рѣчахъ.
Кчему-жь лукавить намъ и прибѣгать къ искусству?
Личину тяжкую нельзя намъ вѣкъ носить;
Отбросимся-же её и предадимся чувству:
Блажены тѣ, кто могутъ здѣсь любить!

———

ВСЕПРЕДАННОСТЬ.

Нѣтъ у меня ни цѣли, ни желанья,
Ни страсти — ничего!
Я бѣденъ всемъ..... Мое существованье
Печально тянется..... Заботы и страданья
Мнѣ въ нёмъ замѣною всего,
Чтȯ душу радуетъ, чтȯ насъ въ восторгъ приводитъ,
Въ чёмъ сердце счастіе находитъ!....

Но не ропщу я на судьбу свою,
Хотя мнѣ жизнь тяжёлымъ испытаньемъ,
Хоть я простился съ упованьемъ,
Хоть зáчасто я слёзы лью.....
Кчему роптать? безплодною тоскою
Не воротить погибшихъ красныхъ дней!
Нѣтъ; я молю судьбу, чтобъ новою грозою
Она на мнѣ обрушилась скорѣй!

И, можетъ-быть, молитвой безпрестанной
Я вымолю себѣ конецъ давно желанный,
И Ангелъ смерти прилетитъ,

Ко мнѣ опустится онъ тихо и печально,
Коснётся устъ моихъ, дастъ поцалуй прощальный
И душу вдаль умчитъ....

И если такъ.... и если къ изголовью
Опять появится знакомая мнѣ тѣнь
И взглянетъ на меня съ тоскою и любовью —
Благословлю, тогда, я мой послѣдній день;
И грозный мигъ, для многихъ столь печальный,
Я встрѣчу радостно и съ вѣрою живой....
Раздайся-же скорѣй, звонъ грустно-погребальный,
Раздайся надо мной!

В. В. П.

Берегись огня!
Не играй огнёмъ!
Манитъ онъ за тѣмъ,
Чтобъ обжечь потомъ.

Берегись любви!
Не шути ты съ ней!
Вспыхнетъ вмигъ она
Пламени сильнѣй.

Какъ любовь, — огонь
Издали блеститъ;
Какъ огонь, — любовь
Всё испепелитъ.

Берегись любви!
Берегись огня!
Пропадёшь совсѣмъ,
Пропадёшь, дитя!

DAHIN! DAHIN!

Я усталъ отъ шума свѣта,
Отъ заботъ и отъ страстей
И, какъ птичка, жду я лѣта
Отдохнуть-бы поскорѣй.

Вѣтра свистъ и завыванья
Нагоняютъ скуку мнѣ,
И тускнѣютъ всѣ мечтанья
При каминѣ и огнѣ.

А порою обновленья
Мысли примутъ свой полётъ,
Будутъ нóчи вдохновенья,
Съ сéрдца свалится весь гнётъ.

Поэтическія нóчи,
Полумракъ и тишина,
Когда блещутъ только очи,
Звѣзды неба, да луна,

Скоро-ль, скоро-ль васъ увижу?
Животворной теплотой
Тѣ снѣга́, что̀ ненавижу,
Скоро-ль стаютъ подъ пятой?

О, тогда опять забьётся
Сердце пылкое сильнѣй,
Мысль, какъ чайка, встрепенётся,
Понесётся въ міръ идей!.....

Но вполнѣ, чтобъ насладиться
И душою отдохнуть,
Мнѣ-бы нужно удалиться
Въ тёплый край куда-нибудь.

Но туда, гдѣ меньше шума,
Меньше блеска, суеты,
Гдѣ торжественная дума
Пріютитъ свои мечты.

Гдѣ хоть много значатъ моды,
Но не странно сердцемъ жить:
Къ нѣмцамъ! на̀ воды! пить во̀ды,
Мыслить, чувствовать, любить!

Тамъ воскресну я душою,
Тамъ покойнѣй буду я,
И живительной водою
Обновлю совсѣмъ себя.

———

Е. Н. Ж.

Хотя вы ни «алмазъ», ни «жемчугъ» русской сцены,
Но лучше во сто «кратъ» такихъ алмазовъ всѣхъ:
Вы жрицею достойной Мельпомены —
И вашъ заслуженъ здѣсь успѣхъ!

Не нужно, вѣрьте, вамъ восторговъ черезъ мѣру,
Ни «подготовленныхъ» овацій и цвѣтовъ,
Подарковъ дружескихъ — на-зло иль смѣхъ партеру,
Ни вызововъ наёмныхъ крикуновъ!

Въ васъ есть талантъ, хоть невполнѣ развитый,
Въ васъ рвеніе къ искусству также есть;
Молвою вы отнынѣ не забыты,
А впереди — богатство, слава, честь!

Смѣлѣй впередъ! На сценѣ, прежде славной,
Асѣнкову старайтесь замѣстить,
И также, какъ она, посредственности явно
Опять въ ничтожность обратить!

РОПОТЪ СЕ́РДЦА.

Восторги былые! вы скрылись на-вѣчно;
Изсякъ, и на-вѣчно, родникъ чистыхъ слёзъ;
Нѣтъ прежнихъ мечтаній, когда такъ безпечно,
Такъ радостно звалъ я міръ радужныхъ грёзъ.

Всё время умчало!.... Ничто́ не осталось!
Исчезли, погибли и сны и мечты.....
Они измѣнили!..... а мнѣ такъ казалось:
Они уцѣлѣютъ..... О, верхъ слѣпоты!

Нѣтъ прочнаго въ мірѣ, здѣсь всё — на мгновенье!
Одно только го́ре всегда насъ гнетётъ:
Всё гибнетъ, оставивъ въ душѣ сожалѣнье.....
Оно-же всё объ-руку съ нами идётъ.

Всё дальше и дальше..... Путь жизни терновой
Проходимъ мы вмѣстѣ... Но вотъ и конецъ:
Дошли мы до цѣли!.... Послѣднее слово
Сказали — и смерти готовъ ужь вѣнецъ!

И знаемъ мы это..... Но горько, невольно,
Сказать наслажденьямъ и жизни: «прости»,
Когда ещё сердце въ насъ бьётся такъ бо́льно
И проситъ такъ жадно восторговъ любви!

ПОДРАЖАНІЕ ВОСТОЧНОМУ.

Я преданъ тебѣ, какъ рабыня,
Покоренъ тебѣ я, какъ рабъ;
Мнѣ жизнь безъ тебя лишь пустыня,
А я — кочевой въ ней арабъ.

Съ тобою полнò всё отрады,
Всё скукой томитъ безъ тебя;
Дороже загрóбной награды,
Милѣй мнѣ всего ты, дитя!

Ты точно звѣзда та Востока,
Къ которой летимъ мы душой,
И гуріи сами Пророка
Ничтó мнѣ въ сравненьи съ тобой.

Но чувства назвать не съумѣю,
Которымъ къ тебѣ я влекусь;
Съумѣлъ-бы—назвать не посмѣю,
Хоть чувствомъ я этимъ горжусь.

Тó чувство ни съ дружбой холодной,
Ни съ страстью сравнить не дано:
Оно выше дружбы безплодной,
Любви постояннѣй оно!

СТАРИКЪ.

Обняла старика
Молодая жена;
Знать: его, простака,
Надуваетъ она.

«Отдохни, — говоритъ, —
И усни ты часокъ!»
А сама всё глядитъ:
Неидётъ-ли дружокъ.

На печи дремлетъ онъ,
Вотъ стучитъ молодой:
Изъ избы мигомъ вонъ —
На̀вѣкъ брошенъ сѣдой.

Вотъ проснулся старикъ,
Поднялся наконецъ:
Раздался страшный крикъ —
Повалился мертвецъ.....

Опустѣлъ съ этихъ поръ
Всѣми кинутый домъ,
Пошатнулся заборъ,
Дворъ заросъ ковылёмъ.

Лишь ночною порой,
Когда по́лночь пробьётъ,
Стонетъ старецъ сѣдой
У закрытыхъ воро́тъ.

То въ окно онъ глядитъ,
То, забывъ про вину,
Онъ въ калитку стучитъ
И зовётъ онъ жену.

Но отвѣта всё нѣтъ,
Пусто, мрачно круго̀мъ!
Лишь старикъ, хоть отпѣтъ,
Стонетъ всё подъ окномъ.....

ИМПРОВИЗАЦІЯ.

«Въ минуту жизни трудную»
Когда поёте вы,
Любовь къ вамъ безразсудную
Я чувствую, увы!

Знать, чары есть могучіе
Въ той пѣснѣ не земной,
Иль взоры ваши жгучіе
Мутятъ разсудокъ мой.

Прошла пора ребячиться,
Ужь юность далекó —
Но любится и плачется
И такъ легко, легко!.....

ОЧЕРКЪ.

Мой ангелъ съ пышными плечами,
Съ улыбкой свѣжей на устахъ,
И съ чародѣйными очами
И съ миловидностью въ чертахъ;
Со станомъ стройнымъ, съ грудью полной,
Съ невинно-дѣвственнымъ челомъ,
Откуда шёлковыя вóлны
Стремятся въ локонѣ живомъ;
И проблескъ генія сіяетъ
Во взглядѣ гибельномъ очей
И чистотою освящаетъ
Порывы бурные страстей;
И юноша благоговѣетъ
Предъ этой чудной красотой,
И, блѣдный, онъ дрожитъ, робѣетъ,
Весь пóлонъ страсти роковой.....

ХАНДРА.

Гдѣ тò время, гдѣ тò время,
Какъ я сердцемъ только жилъ
И какъ вялой жизни бремя
Я лѣниво не влачилъ?

Гдѣ тò время удалое,
Иль прошло на-вѣкъ оно,
И не вспыхнетъ ретивое
Искрой новой зажжено?

Если такъ — пускай умру я!
Лучше вòвсе ужь не жить,
Чѣмъ жить мирно, и, тоскуя,
Дни не нужные влачить.

Скучно, скучно! Хоть-бы горе
Уязвило сердце мнѣ,
И грозою, на просторѣ,
Разъигралось-бы вполнѣ!

Всё-бы легче! — Жизнь такая,
Какъ ни тяжка и грустна,
Всё-же жизнь.... и, насъ терзая,
О себѣ твердитъ она.

Но покой, покой всегдашній,
Ничего не на-обумъ,
Нынче точно день вчерашній,
Праздность сéрдца, праздный умъ,

Жизнь безъ цѣли, безъ исканій,
День за днёмъ, своей чредой,
Безъ восторговъ, безъ желаній
И пробитою тропой —

Вотъ что̀ страшно, вотъ что̀ бо́льно,
Вотъ съ чѣмъ свыкнуться нельзя,
Вотъ что̀ мукою невольной,
Вѣчной карой бытія!

Безъ взаимности сердечной
Намъ мучительно любить;
Но мучительнѣй—навѣчно
Всё что̀ любишь пережить,
И надъ свѣжею могилой,
Съ думой грустною, унылой,
О минувшемъ вспоминать
И молиться... и страдать....

Безчарна жизнь тогда: всё въ ней намъ скукой вѣетъ;
Страшитъ насъ будущность и прошлое томитъ;
Ни умъ, ни сердце намъ ничто̀, тогда, не грѣетъ;
Ничто̀ не тѣшитъ насъ, ничто̀ насъ не живитъ;
Какъ ядъ медлительный, тоска насъ убиваетъ;
Нѣтъ мысли въ головѣ, въ душѣ одна печаль....
Воспоминаніе насъ мучитъ и терзаетъ,
Разстаться-же намъ съ нимъ неможно, да и жаль.
Какъ день безсолнечный, мы пасмурны невольно;
Для насъ заманчивость утратила мечта,
И нами рокъ, тогда, играетъ произвольно,
А въ сердцѣ навсегда всё хладъ и пустота.

Но того удѣлъ страшнѣе,
Чья душа любви полна,
И за гробомъ всё сильнѣе,
Всё сильнѣй, сильнѣй она....
Кто забыть никакъ не можетъ
Страсть безумную, что́ гложетъ
Сердце, сжатое тоской
И всё полное одной,
Гдѣ чарующею силой,
Какъ и прежде, образъ милый
Нынѣ царствуетъ одинъ
И за тёмною могилой
Полный се́рдца властелинъ.

О, жизнь тому на-вѣкъ ужасное мученье!
Удѣлъ его страдать....и страждетъ вѣчно онъ
Ему насмѣшкой злой, ...
Ему отравою тревожный, рѣдкій сонъ.
Онъ преданъ горести, онъ преданъ страсти знойной,
И страсть безумная бушуетъ въ нёмъ грозой;
Предъ нимъ-же между-тѣмъ, какъ призракъ безпокойный,
Какъ совѣсти укоръ, — всё камень гробовой!
Тоска его томитъ, любовь его снѣдаетъ....
Всё дразнитъ страсть его... въ грядущемъ всё темно́...
Онъ только смерти ждётъ... её онъ призываетъ..
Самоубійства мысль въ нёмъ зрѣетъ такъ давно́!

Но страданьямъ есть забвенье —

Время быстрое течётъ,
И покой и исцѣленье
Непримѣнно имъ несётъ.
Лишь ему нѣтъ упованья,
Въ жизни онъ всего лишёнъ,
Силой долгаго страданья
Онъ съ могилой обручёнъ....
Вѣкъ чуждаяся отрады,
Вдаль бѣжитъ онъ отъ людей
И за му́ки, какъ награды,
Жаждетъ смерти онъ скорѣй.
Но, подавленный тоскою,
Перевѣдаться съ судьбою
Лишь вотще желаетъ онъ —
Выше воли есть законъ!
И одинъ, средь жизни шумной,
Онъ живётъ въ нѣмой тиши
И душою мрачнодумной
Ищетъ слѣдъ другой души.....

РОМАНСЪ.

За что̀ вы страсть мою презрѣли?
За что̀ отвергнули меня?
Иль обмануть вы не съумѣли?
Иль ненавистенъ всемъ вамъ я?

Но что̀-бы ни было, я знаю:
Презрѣнье ваше мнѣ не снесть!
Я въ гробъ сложу.... но завѣщаю
Кому-нибудь свою я месть.

Наступитъ часъ, и вы, случайно,
Любовь узна̀ете, какъ я;
Но будетъ казнію вамъ тайной
Она въ отмщенье за меня.

И, можетъ-быть, тогда мгновенно
Вспомянете вы обо мнѣ,
И прахъ истлѣвшій и забвенный
Слезой почтёте втишинѣ.

———

Бури житейскія, бури нежданныя,
Бодрость убили во мнѣ;
Мысли печальныя, мрачныя, странныя
Мучатъ меня втишинѣ.
Съ горькой усмѣшкою, полной страданія,
Взоры вперяю я вдаль:
Мрачно грядущее!.... нѣтъ упованія!...
Въ сердцѣ — одна лишь печаль!....
Тяжко мнѣ, бѣдному! ахъ, всё, что́ любило
Сердце въ минувшіе дни
Всё вдругъ умчалось, или всё измѣнило —
Вѣрны страданья одни.
Господи, Боже мой! слезнымъ моленіямъ
Съ благостью кроткой внемли:
Мнѣ, жертвѣ, преданной бурнымъ сомнѣніямъ,
Смерть иль покой низпошли!

РОМАНСЪ.

Когда ты съ улыбкой глядишь на меня
И сердце щекотишь мнѣ ласковымъ взоромъ,
Я по́лонъ надежды, любви и огня
И радъ для тебя я покрыться позоромъ;
Душѣ такъ отрадно! пылаетъ вся кровь,
Я весь забываюсь.... дрожу я невольно....
Дыханіе спёрто.... сильнѣе любовь—
И сердцу та́къ сладко, и сердцу та́къ бо́льно.

Но если другому ты бросишь вдругъ взглядъ,
Хотя-бы то было на мигъ и случайно,
Мнѣ сердце пронзаетъ злой ревности ядъ,
И стражду, какъ демонъ, я злобою тайной;
На сердцѣ такъ тяжко! я плакать готовъ,
И легче мнѣ были-бъ мученія ада;
Кровь лавой кипитъ вся... я снова безъ словъ;
Но месть — не любовь — мнѣ въ ту пору отрада.

ПОСЛѢДНЯЯ ЭЛЕГІЯ

Разбито сердце въ прахъ; надежды и желанья
Рокъ вырвалъ изъ него, и замерло оно
Для счастья и любви..... и только что страданья
Ему извѣдать суждено!

Мечты блестящія, заманчивыя страсти,
Вамъ не прельстить теперь и не увлечь его:
Надъ сердцемъ страждущимъ отнынѣ вы безъ власти —
Оно погибло для всего!

Лишь только скуки ядъ, да тяжкое сомнѣнье,
Вотъ всё, что̀ будущность не разъ мнѣ принесётъ,
И если посѣтитъ случайно вдохновенье,
Оно безслѣдно промелькнётъ.

И что̀ мнѣ будущность? напрасное лишь бремя,
Тоска безплодная о томъ, чего ужь нѣтъ,

Однообразное, убійственное время —
Цѣпь никому не нужныхъ лѣтъ!

Зачѣмъ-же жить ещё?.... Зачѣмъ нельзя страданье
Торжественно однимъ ударомъ перервать,
И, Богу принеся отъ сéрдца покаянье,
Отъ жизни душу оторвать?....

О, грустно, грустно мнѣ! но не паду предъ рокомъ,
Въ борьбѣ съ судьбою я на шагъ не отступлю;
Пусть тяжко мнѣ теперь! мнѣ прошлое урокомъ —
И я въ грядущемъ всё стерплю.

Но ты прости на-вѣкъ, святое вдохновенье,
Не возвращайся вновь меня ты искушать:
Мнѣ суждено судьбой одно уединенье,
Всегда бороться иль страдать!

НАПОЛЕОНЪ.

Среди величія и славы
Померкла счастія звѣзда
И палъ онъ, геній величавый,
Непобѣдимый никогда!
Онъ палъ — властитель полу-міра,
Тотъ, ктó пронёсся здѣсь грозой,
Кому державная порфира
Сюртукъ смѣнила боевой!

Онъ палъ, — предъ кѣмъ цари дрожали,
Къ кому стекалися они,
Прахъ ногъ кого здѣсь всѣ лобзали
Въ тѣ вѣчно памятные дни,
Когда дряхлѣющей вселенной
Онъ свой предписывалъ законъ
И, счастья баловень надменный,
Одной лишь славы жаждалъ онъ.

О ты, ктó властвовалъ надъ міромъ,

Кто́ шёлъ къ побѣдамъ отъ побѣдъ,
Кто́ для вселенной былъ кумиромъ,
Чей кровью здѣсь записанъ слѣдъ!
Прошли они, тѣ дни былые,
Какъ мановеніемъ руки
Рѣшалъ ты споры вѣковые,
На гибель двигая полки.

И вотъ—одинъ, въ дали изгнанья,
Узнавъ насильственный покой,
Ты мелкой пытки истязанья
Не сносишь гордою душой;
Но, по́лонъ злобою и мщеньемъ,
Тоской мучительной томимъ,
Однимъ убійственнымъ презрѣньемъ
Врагамъ отвѣтствуешь своимъ.

И часто, часто, грустнымъ взоромъ
Глядя на ярость волнъ сѣдыхъ,
Казнишь безмолвнымъ ты укоромъ
Своихъ сподвижниковъ былыхъ;
Но чаще, съ тихою тоскою,
Съ своей возвышенной скалы
Ты незамѣтною слезою
Свои привѣтствовалъ орлы.....

И — по́лонъ думою печальной —

Въ груди стѣснивъ невольный стонъ,
Волнамъ ввѣрялъ ты свой прощальный
Далёкой родинѣ поклонъ;
И вслѣдъ за нимъ, съ тоской глубокой,
Ты образъ сына призывалъ
И, ссыльный, ссыльному далёко
Благословенье посылалъ.....

Но годы шли своею чредою —
И вновь ко Франціи брегамъ
Твой прахъ, увѣнчанный молвою,
Переплываетъ по волнамъ,
И вотъ онъ, вотъ тотъ край желанный,
Куда стремился ты душой,
Гдѣ саркофагъ обѣтованный
Твои останки ждетъ, герой!

Но ты еще не успокоенъ,
Зовёшь къ себѣ другой ты прахъ....
Тотъ прахъ лежать съ тобой достоинъ —
Вы оба съ нимъ во всѣхъ сердцахъ!
Но скоро-ль сбудутся желанья?...
Но скоро-ль ляжетъ близь тебя
Тотъ, ктó угасъ въ краю изгнанья,
А властелиномъ родился?....

Безвѣстно тò!... Край вождѣленный

Ты вновь узрѣлъ, и мирно въ нёмъ,
Орломъ побѣднымъ осѣненный,
Спишь непробуднымъ мёртвымъ сномъ
О, пусть, ничѣмъ не возмущаемъ,
Навѣкъ продлится твой покой
И, вѣчной славой озаряемъ,
Блестишь ты яркою звѣздой!

КЪ ПАДШЕЙ.

Свободно славься ты блистательнымъ позоромъ,
Не буду плакать я — я слёзы удержу;
Не возмущу тебя заслуженнымъ укоромъ,
И совѣсть сонную въ тебѣ не пробужу.

Да и кчему теперь докучливыя пѣни?
Что̀ потеряла ты, того не воротить;
Зачѣмъ-же обнимать, рыдаючи, колѣни,
Когда ихъ á prix-fixe возможность есть купить?

Но нѣтъ, не нужны мнѣ заплаченныя ласки;
Сторгованной любви чуждаюсь гордо я;
Разстанемся-жь на-вѣкъ безъ шуму, безъ огласки....
Отнынѣ чужды мы: ты продала себя!

Прощай! Иди себѣ разъ избранной доро́гой!
А я пойду туда, куда глаза̀ глядятъ;
И только объ одномъ молить я буду Бога —
Чтобъ на пути своёмъ тебя не повстрѣчать!

Но если встрѣтимся, повѣрь, съ ожесточеньемъ
Насмѣшкой горькою тебя не упрекну;
Лишь гордый взглядъ, съ убійственнымъ презрѣньемъ,
Я отъ тебя, тогда, мгновенно отверну.

И, разойдясь опять, печальный и унылый,
Я снова побреду дорóгою своей,
Покуда я дойду до хладной той могилы,
Гдѣ нáвѣкъ схороню послѣдній пылъ страстей.

ПРОСТОНАРОДНАЯ МЕЛОДІЯ.

Было солнце ясное,
Было, да пропало;
Была дѣва красная —
И ея не стало!

Снова солнце явится,
Міръ весь встрепенётся....
Лишь одна красавица
Въ гробѣ не очнётся.

Взято что̀ могилою,
Въ землю превратится;
Ни мольбой, ни силою,
Намъ не возвратится.....

КЪ АРТИСТКѢ.

Ступайте смѣло вы впередъ
Однажды избранной дорòгой:
Она васъ къ славѣ приведётъ
И вдохновеній дастъ вамъ много!

Ступайте!... Вашъ прекрасенъ путь,
Хотя на нёмъ не дремлетъ злоба,
И не дадутъ вамъ отдохнуть
Вражда и завпсть вплоть до гроба.

Такъ! жало низкой клеветы
Преслѣдуетъ всё чтò высóко,
И наши лучшія мечты
Уничтожаются жестоко.

Но жалки тѣ, кого вражда
Здѣсь не нашла, иль пощадила,
И въ цѣлой жизни никогда
Ихъ глубокó не уязвила.

Ступайте твёрдою стопой,
Послушны голосу призванья,
И возвышаясь надъ толпой
Могучей властью дарованья.

Пусть зависть вамъ шипитъ вослѣдъ:—
Не отвѣчайте вы на брани,
И ждите новыхъ вы побѣдъ,
Съ поклонниковъ сбирая дани.

---

22 ОКТЯБРЯ 1853 Г.

За вѣру православную
На брань мы поспѣшимъ,
Начнёмъ мы битву славную:
Умрёмъ иль побѣдимъ!

Пускай враги кичливые
Союзниковъ зовутъ,
Войска Христолюбивые
За Бога всё снесутъ.

Пускай насъ ждутъ безмѣрные
Труды, и гладъ, и моръ;
Но полчища невѣрныя
Покроетъ вновь позоръ

Балканы неприступные
Мы снова перейдёмъ,
Твердыни неподкупныя
Штыками мы возмёмъ.

Покорны Провидѣнію,
Пойдёмъ мы всё впередъ

. . . .

. . . .

Возстанутъ наши братія
Средь славныхъ прежде мѣстъ,
Къ намъ кинутся въ объятія,
Вновь водрузивши крестъ.

Начнётся сѣчь кровавая
За вѣру, за Христа;
Софія златоглавая
Дождётся вновь креста.

Раздастся пѣснь побѣдная;
Двурогая луна
Навѣкъ померкнетъ блѣдная
И въ прахъ падётъ она.

Надъ Византіей бѣдственной
Двуглавый воспаритъ,
И зазвучитъ торжественно
Олеговъ славный щитъ.

За вѣру православную
На брань мы поспѣшимъ,
Начнёмъ мы битву славную:
Умрёмъ, иль побѣдимъ!

---

8 ЯНВАРЯ 1856 Г.

Была пора: властитель полвселенной,
Наполеонъ бѣдою намъ грозилъ,
Москва была его, и мыслилъ онъ надменно,
Что Русь ужъ побѣдилъ.
Фортуны баловень, въ кичливости обидной,
Россіи свой законъ предписывать дерзалъ;
Но первый Александръ отвергнулъ миръ постыдный —
И славный миръ въ Парижѣ міру далъ.

Настала вновь пора: среди полей Тавриды
Другой Наполеонъ опустошенье внёсъ,
Палъ Севастополь нашъ, и страшныя обиды
Претерпѣваетъ Россъ.
Но Русь тверда, сильна; надменные законы
Съ негодованіемъ отвергнетъ, какъ и встарь;
Коль нужно, встанетъ вся для славной обороны —
Пусть кликнетъ только Царь!

Имущества и жизнь отдать мы всё готовы,

Лишь честь отечества мы сохранить хотимъ;
Кичливаго врага не примемъ мы оковы —
Умрёмъ, иль побѣдимъ!
Великъ славянскій міръ: повсюду наши братья,
Отъ Адріатики до финскихъ береговъ....
Мы кликнемъ кличь, откроемъ имъ объятья —
И страхомъ поразимъ заспстливыхъ враговъ.

Но славу прежнюю, но подвигъ нашъ народный,
Увы! . . . .
. . . .
. . . .
Возстань-же, Русь! возстань, родная!
На мигъ склонись у алтаря;
А тамъ.... оружіемъ сверкая,
Себя отчаянно спасая,
Сразись за вѣру и Царя!....

Кто духомъ палъ, тотъ слово укоризны
Да не услышитъ въ этотъ часъ!
Мы всемъ пожертвуемъ для гибнущей отчизны,
А Царь.... Онъ не покинетъ насъ!
И вмѣстѣ съ нимъ своё предназначенье
Мы совершимъ, иль ляжемъ всѣ во прахъ;
Не свойственно Россіи униженье,
И русскаго Царя съ народомъ съединенье
Пусть гибелью звучитъ во вражескихъ сердцахъ!

ДИВЪ И ПЕРИ.

Пери юная летала
Надъ поверхностью земной.
Свѣтлокудрая блистала
Свѣтозарной бѣлизной.

Дивъ печальный страстнымъ взоромъ
Далекò за ней слѣдилъ;
Съ сожалѣньемъ и укоромъ
Онъ невольно ей твердилъ:

»Пери! Пери! за тобою
Я летать-бы вѣкъ желалъ;
Но сроднился я съ землёю —
Рокъ меня къ ней приковалъ!

Тщетны всѣ мои усилья:
Палъ я слишкомъ глубокò —
Не расправить мнѣ ужь крылья!
Не летать мнѣ высокò!

Но къ тебѣ, о чаровница,
Я душой стремлюсь всегда:
Ты одна—ея царица,
Беззакатная звѣзда!

И средь пустынь грустныхъ міра,
Гдѣ ношусь я одинокъ,
Не зову ужь я Некира, (*)
Не кляну свой грозный рокъ!

Пусть закрыты рая двери —
За тобою я слѣжу,
И въ любви къ тебѣ, о Пери,
Я отраду нахожу.

Осуждёнъ я на страданья,
Но мнѣ сладокъ жребій мой,
Если вѣчность созерцанья
Мнѣ дозволена судьбой.

Въ этомъ вѣчномъ лицезрѣньѣ
Я найду, о Пери, вновь
Безпредѣльное терпѣнье,
Безграничную любовь!

(*) Некиръ — Ангелъ смерти.

Пери внемлетъ и не внемлетъ,
Выше, выше всё летитъ....
Дива страхъ ужѐ объемлетъ,
Но упорно онъ глядитъ.

Время быстрое проходитъ —
И средь дня, какъ средь ночей,
Дивъ отъ Пери не отводитъ
Очарованныхъ очей.

И слѣдитъ за ней далёко
Онъ въ пространствѣ голубомъ,
Гдѣ она летитъ высо́ко,
Позабывши ужь о нёмъ.

———

ВОСПОМИНАНІЕ.

(*Отрывокъ изъ поэмы*) (*)

Въ чужбинѣ я! съ отчизной дальной
Ужè давно простился я —
Давно!. но въ памяти печальной
Ещё всё живо для меня.
Какъ прежде, вижу я мятели
И вьюги сѣверной зимы....
Бывало, лёжа въ колыбели,
Я имъ внималъ — сдружились мы,
И съ той поры мнѣ любы стали
Картины бурь и непогодъ,
Какъ-будто вьюги предвѣщали
Сердечныхъ бурь и вьюгъ приходъ.

(*) Поэмка эта была задумана и написана иначе. Отданная въ одинъ московскій альманахъ, она тамъ появилась не вполнѣ, а съ значительными урѣзками и измѣненіями, причёмъ потерянъ самый оригиналъ. Такъ какъ у автора рукописи не осталось, то она и помѣщена здѣсь почти въ томъ видѣ, какъ она явилась въ Москвѣ.

Чтò говорю я?.... буря злая
Давно промчалась надо мной:
Скончалась мать моя родная —
И я остался сиротой!
Одинъ наёмными руками
Я, безъ любви, взлелѣянъ былъ —
И часто горькими слезами
За хлѣбъ насущный я платилъ....
Да! вскормленъ я семьёй чужою,
Но горекъ былъ мнѣ хлѣбъ чужой:
Я на землѣ былъ сиротою,
Я не имѣлъ ужè родной....
Бывало,—помню—одиноко
О чёмъ-то сладко я мечталъ,
Душою улеталъ далёко,
Чего-то смутно ожидалъ —
И всё о чёмъ-то тосковалъ.
Когда-же сверстники играли,
На нихъ я съ завистью глядѣлъ:
Они рѣзвились.... хохотали....
А я... . я плакать ужь умѣлъ!...
»Играйте—мыслилъ я тоскливо —
Играйте, баловни судьбы!
Я пасынокъ судьбы ревнивой:
Вамъ лишь забавы, мнѣ борьбы!
Играйте: есть у васъ родные,
Есть уголъ свой, своя семья;

Вы дóма, вѣрно, не чужіе —
А я..... чужой домашнимъ я!
Вамъ смѣхъ присталъ, къ лицу вамъ радость,
Вамъ гóря нѣтъ, вамъ нѣтъ заботъ,
Вы никому, друзья, не въ тягость,
А мой удѣлъ—удѣлъ сиротъ!....
Ещё я помню дни другіе:
Какъ сквозь магическій кристаллъ,
Я вижу стéпи кочевыя,
Широкій, царственный Уралъ,
Вдали, огромный, безконечный,
Богатогрузный караванъ,
Шумя, бредётъ себѣ безпечно
Изъ дальнихъ азіятскихъ странъ;
За нимъ несётся гулъ нестройный,
Звучатъ бубенчики.... ревётъ
Верблюдъ тяжёлый, безпокойно
Передвигаяся впередъ;
И вотъ другой..... всё болѣ, болѣ....
Имъ нѣтъ конца, и длинный рядъ,
Не опасаяся засадъ,
Лѣниво тянется по волѣ;
Летятъ стрѣлой по сторонамъ
Кой-гдѣ наѣздники нагіе;
А вдалекѣ и тутъ и тамъ
Всё маяки сторожевые......
Но чтò о юности моей

Теперь расиространяться много;
Она прошла и, слава—Богу,
Ужѐ не возвратится ей!
Года̀ текли свой чредою.....
Я росъ и выросъ наконецъ —
И часъ пробилъ мой: предо мною
Она явилась!..... о Творецъ!
Она! о комъ я сердцемъ смутно
Въ дни дѣтства сираго мечталъ,
Кого въ тоскѣ ежеминутно,
Какъ божество, я призывалъ!
И мигомъ сердце разгадало,
Чёго доискивался я,
О чёмъ, порой, мнѣ напѣвала
Одна фантазія моя......
Таить отрадное мнѣ чувство
Я не желалъ-бы и не могъ,
Я не постигъ еще искусство
Владѣть собой .... не превозмогъ
Я страсти бѣшеной волненья —
И разгадала вмигъ она
Мои сердечныя мученья,
Всё, чѣмъ душа была полна!
Мои надежды и желанья,
Всё, всё — не тайна для нея,
И всё безъ пошлаго признанья
Ей высказалъ безмолвно я.

Да и кчему признанья эти?
Что̀ въ нихъ?... пустыя лишь слова̀!
Для чувства сильнаго мы дѣти,
Когда въ нихъ видимъ мы права̀
На страсть взаимную и шумно
Любви мы требуемъ святой,
И вѣримъ слѣпо и безумно
Шумихѣ словъ всегда пустой... .
Она-же, между-тѣмъ, играла
Ревнивой страстію моей:
Порой, мнѣ сердце раздирала,
Порой, была ко мнѣ добрѣй;
То вдругъ привѣтливо шалила,
Глядѣла съ лаской на меня,
То вдругъ опять меня бѣсила,
Какъ своенравное дитя;
То будто нѣжности покорной
Она была ко мнѣ полна,
Мнѣ льстила страстью не притворной.
А тамъ, глядишь — и вновь она
Безчеловѣчно-холодна!
Но ты не думай: это средство
Въ свои оковы заманить;
Въ ней тѣни не́ было кокетства:
Ей лишь хотѣлось пошалить.
Такъ годъ прошёлъ. .. попеременно
Былъ счастливъ я и несчастливъ,

Порой, доволенъ совершенно,
Порой, мучительно ревнивъ.
Но не подумай, что причины
Имѣлъ я къ ревности такой:
Ей были равны всѣ мужчины —
Но я любилъ её душой ......
Въ чужбинѣ — думалось мнѣ — дальной
Авось избавлюсь отъ любви!
Разлукой — думалось — печальной
Я потушу пожаръ въ крови!
И я бѣжалъ бѣжалъ далёко....,
Я посѣтилъ мой градъ родной,
Гдѣ дѣтство грустно, одиноко
Провёлъ бездомнымъ сиротой —
И вновь бывалою тоскою
Душа стѣснилася моя,
И надъ могилою родною
Вновь плакалъ и молился я.....
И вновь съ сердечнымъ умиленьемъ
Я слушалъ колокольный звонъ,
И вновь знакомымъ упоеньемъ
Меня дарилъ, какъ прежде, онъ ...
Потомъ Кавказскія вершины
Я равнодушно посѣтилъ:
Великолѣпныя картины
Я взоромъ скучнымъ проходилъ,
Но мыслію блуждалъ далёко —

Тамъ.... тамъ.... на сѣвѣрѣ моёмъ....
И вспомнилъ я о быломъ,
Когда задумчивое око
Глядѣло пристально вперёдъ —
Не зря прославленныхъ высотъ!
Машукъ, Бешту остроконечный,
Казбекъ и царственный Эльбрусъ,
Я ихъ забылъ въ тоскѣ сердечной,
Хотя заочно имъ дивлюсь;
И великанъ ледяно-снѣжный,
Почуя юга знойный жаръ,
Напрасно, какъ волканъ мятежный,
Въ прозрачный облекался паръ —
И, серебримый имъ, привѣтно
Таинственно сквозь паръ глядѣлъ,
Огнёмъ сапфирнымъ, самоцвѣтнымъ
Вдали напрасно онъ горѣлъ;
И величаво надъ скалами
Его играющій кристаллъ,
Какъ-бы алмазными лучами,
Въ узорахъ радужныхъ сверкалъ;
Иль, какъ поэтъ, когда толпою
Онъ любопытной окружёнъ,
Воспрянувъ гордой головою,
Всѣхъ превышалъ напрасно онъ!...
Съ какою завистью печальной
Смотрѣлъ я утренней порой,

Какъ за цѣлебною водой
Больные шли.... я думалъ тайно:
Зачѣмъ одинъ не болѣнъ я?
Зачѣмъ недугъ щадитъ меня?...
О, грустно, скучно, нестерпимо!
Домой! домой! прощай, Кавказъ!
И вотъ опять я вижу васъ,
Мосты гранатные!... но мимо —
Скорѣй! туда!... достигъ — я съ ней —
И сердце вновь въ груди моей
Забилось сладостно-мятежно,
И милый взоръ отвѣтилъ нѣжно
На неизмѣнную любовь. ...
Проснулись прежнія мечтанья —
И вновь кипятъ... играетъ кровь...
И вновь тоска..... и вновь желанья!...
О, сердце, сердце! что̀ съ тобой
При этой мысли лишь одной?...
А былъ я счастливъ въ эти годы,
Какъ только можетъ въ двадцать лѣтъ
Быть счастливымъ дитя природы —
Одинъ восторженный поэтъ!...
Я былъ доволенъ, всѣмъ доволенъ;
О чёмъ-же было мнѣ вздыхать?
Какъ птица божья, веселъ, воленъ —
Я могъ любить.... я могъ мечтать!....
Какъ часто, сладкихъ мыслей полный,

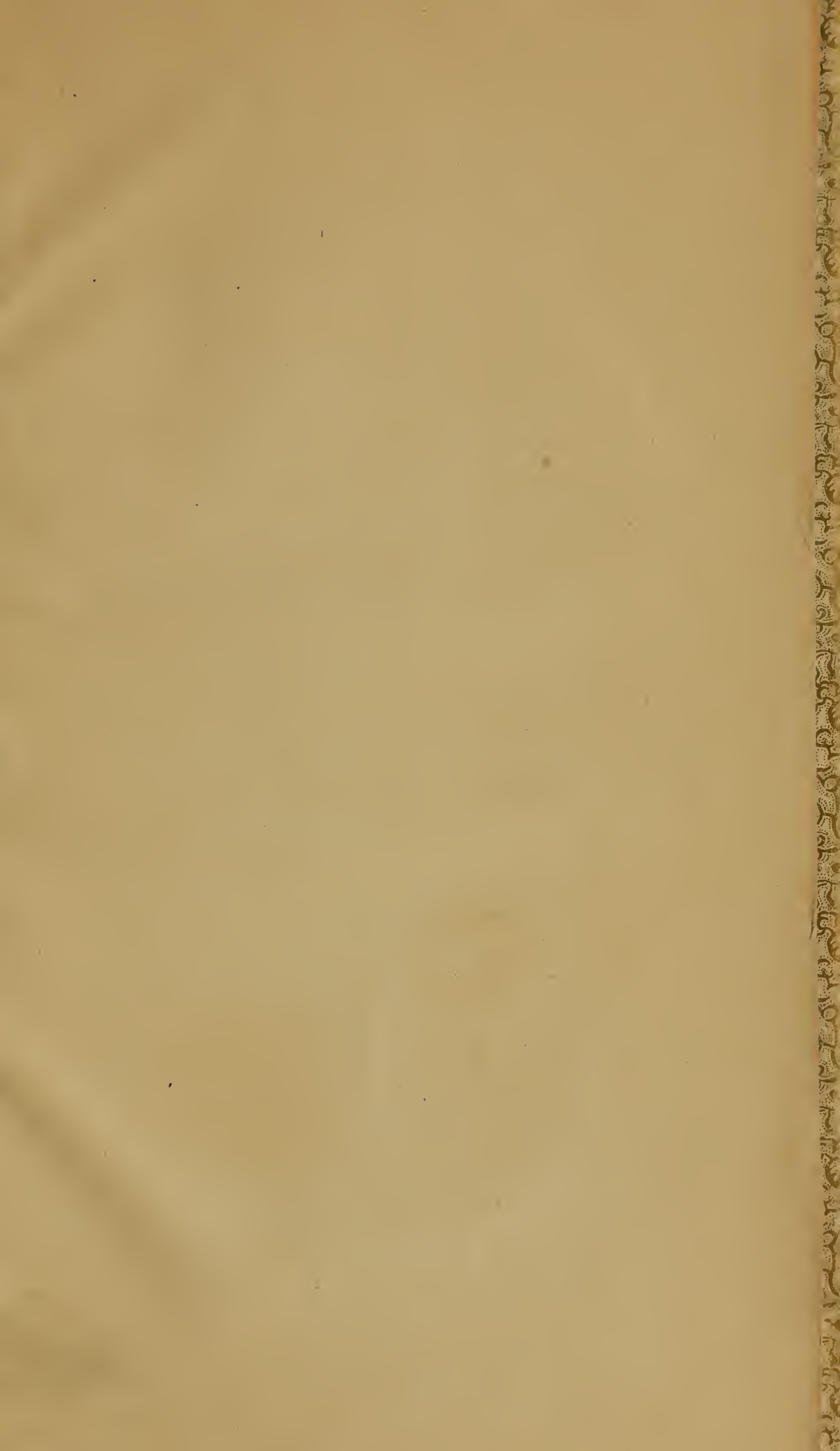
Плывя Невою, втишинѣ,
Глядѣлъ задумчиво на вóлны
Я съ наслажденьемъ, при лунѣ!
Луна! луна! какъ ты привѣтно
И весело свѣтила мнѣ!....
Теперь... всё мрачно и безцвѣтно:
Померкнулъ прежній солнца блескъ,
Затихъ волны въ гранитѣ плескъ,
Прошло цвѣтовъ благоуханье!
Въ душѣ — одно воспоминанье
О прежнемъ... пустъ и скученъ свѣтъ —
Её ужъ нѣтъ! её ужъ нѣтъ!....

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано: Стран.	Стр.		Слѣдуетъ:
1	2	всегда	всегда,
1	9	ясно,	ясно
2	6	стихомъ,	стихомъ
3	14	неземныхъ	неземныхъ,
—	15	вдохновенья,	вдохновенья
5	18	товарищъ	товарищъ,
5	10	я,	я
8	17	порою	порою,
—	15	незванныхъ	незванныхъ,
9	1	мгновенно,	мгновенно
—	7	забывъ	, забывъ
10	13	взглянь ко	взглянь-ко
12	1	Гляжу	Гляжу,
—	—	благоговѣньемъ	благоговѣньемъ,
—	8	былова	былова,
13	7	могилъ	могилъ.
20	17	пронзительнѣ й	пронзительнѣй
21	1	скрижали	скрижали.
37	19	часъ	насъ
38	14	в ъ	въ
50	6	стромлюся	стремлюся
51	17	Мадона	, Мадона,
54	8	коль цомъ	кольцомъ?
61	5	чувстную	чувствую:
63	1	пали мо	палимо
66	18	пламень	пламень,
67	7	вдохновенье!	вдохновенья!
68	2	поэтъ	поэтъ —
69	16	тото	тотъ
71	13	побѣдить:	побѣдить!
72	11	намъ	нашъ
73	7	вѣковой.	вѣковой
74	9	благовѣньемъ;	благоговѣньемъ;

75	7	похода.	похода,
79	2	паразить.	поразить.
80	15	все	всё
84	3	Вашингтона.	Вашингтона —
109	5	довѣр чиво	довѣрчиво
109	6	молодой	молодой.
111	8	«ней»	«ней.»
—	примѣч.	скончавщагося	скончавшагося
114	1	канеть	канетъ
115	16	нёмъ,	нёмъ.
121	8	всѣхъ	всѣхъ.
127	1	нелюбить —	не любить —
136	4	грёзы	грёзы.
137	12	слё зъ	слёзъ.
139	16	умомъ.	умомъ!
140	8	свѣтъ	свѣтъ.
148	11	храмъ	храмъ,
149	6	муче нья	мученья
—	22	прійдётъ	придётъ
150	11	возмётъ	возьмётъ:
156	2	восто «кратъ»	«во сто кратъ»
166	16	злой,....	злой....
167	3	Непримѣнно	Непримѣтно
177	13	дор огой!	дорогой!
182	2	поспѣимъ,	поспѣшимъ,
—	12	возмёмъ	возьмёмъ
191	3	лину	лицу
—	21	онасаяся	опасаяся
192	3	возвратится	возвратиться
—	4	свой	своей
—	9	мечталъ.	мечталъ,

Deacidified using the Bookkeeper process
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007
PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

